

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ГОРОД ВЕДЬМ

МАНЬЯКОМ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ КТО УДОДНО...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Город ведьм

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Город ведьм / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-95387-5

В этом провинциальном городе уже несколько лет творится нечто жуткое и непонятное – бесследно исчезают люди. Все они – приезжие студенты, поэтому местные жители не поднимают шума. Однако бродят зловещие слухи о маньяке, которых власти почему-то предпочитают не замечать, относя к разряду городских страшилок. Журналистка Вера, давно мечтавшая занять место главного редактора газеты, получает очередное доказательство существования маньяка и решает сделать об этом эксклюзивный материал. После публикации статьи город взрывается – тайное наконец становится явным. Вера занимает вождя должность. Но обратной стороной ее триумфа оказываются ужасные трофеи, которые ей подбрасывает маньяк.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95387-5

© Леонтьев А. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Вера	20
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антон Валерьевич Леонтьев

Город ведьм

© Леонтьев А. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Каждый убийца, вероятно, чей-то хороший знакомый.
Агата Кристи

Пролог

– А еще говорят, что в городе и окрестностях действует маньяк, а власти в курсе этого, но ничего не предпринимают и скрывают правду от народа! – завершила свой монолог одна из попутчиц и победоносно посмотрела на своих собеседниц, находившихся в одном из купе поезда.

Состав уже въехал в черту областного центра и медленно тащился мимо новых разноцветных многоэтажек. До центрального вокзала оставались считанные километры.

– Да что вы говорите! – изумилась соседка по купе. – Не может этого быть! Неужели в самом деле *маньяк*?

Особа, которая только что сообщила эту шокирующую новость, уверенно кивнула и произнесла:

– Так оно и есть! У меня же племянник в полиции работает. И мне он рассказывал, что то в лесополосе, то в реке время от времени находят человеческие останки. Причем никогда целый труп, а всегда отрезанные конечности. И что длится это *уже много лет!* И поверьте, это его рук дело, местного маньяка! Не удивлюсь, если на его совести десятки жертв. А наши власти об этом и знать ничего не хотят. И каждый раз находят объяснение для страшных сюрпризов. То, видите ли, останки какого-то бомжа, умершего естественной смертью, то это вообще кости со Старого кладбища, которое во время весеннего паводка затопило, то рука или нога несчастного, попавшего под винт теплохода...

По коридору прошла проводница, спешно собиравшая постельное белье. В соседних купе слышались веселые голоса и детский смех. Однако в этом купе царило напряженное молчание, потому как тема была неприятная.

Собеседницы в который раз покачали головами, а расположившаяся на боковой полке молодая девушка со светлыми волосами произнесла:

– А может, так оно и есть? И нечего разводить панику, рассказывая всяческие небылицы?

Дама, которая пыталась раскрыть попутчицам глаза на проделки властей, поджала губы и посмотрела на юную особу, посмеившую подвергнуть сомнению ее слова. Типичная студентка, к тому же еще, наверное, и первокурсница. В городе имелось несколько высших учебных заведений, достаточно престижных, и стоял конец августа: до начала нового учебного года оставалось около недели. Неудивительно, что многие из студюзовцев постепенно возвращались с каникул или, как, вероятно, в случае с этой патлатой светловолосой особой, стекались в город.

– Никто панику и не разводит, я просто сообщаю вам важные сведения, – заявила знающая ораторша, – но если не хотите, то ничего больше рассказывать не буду...

Она явно рассчитывала на то, что прочие собеседницы – все без исключения женщины – захотят продолжения, и она поведаст им о еще одном, гораздо более жутком, чем все предыдущие, эпизоде. Однако, судя по всему, дамы, из которых никто не жил постоянно в городе, были и так запуганы.

– Посуду тоже возвращаем! – раздался громовой голос проводницы, шествовавшей по коридору с ворохом грязного постельного белья в руках.

Вслед за ней появилась худая фигура заспанного молодого человека с копной рыжих волос, вероятно, тоже студента, который, судя по зубной щетке и тюбику зубной пасты в руках, явно намеревался заняться утренним туалетом.

– Туалеты уже полчаса как закрыты, – просветила его проводница. – И нет, и не просите, открывать специально для лежебок не буду. Мы уже через пятнадцать минут на вокзале будем...

– Ну пожалуйста... – попытался разжалобить ее вихрастый рыжий студент и, все еще канюча, проследовал за ней.

Дама, потчевавшая всех прочих страшилками про кошмарного городского маньяка, так и не дождавшись просьб со стороны попутчиц, произнесла:

– И говорят, что он частенько нападает на людей в тот момент, когда подвозит их на своем автомобиле! Потому что у него наверняка должен быть автомобиль! А также логово, в котором он расчлняет несчастных. Потому как за исключением конечностей, которые он потом специально подбрасывает то в лесополосу, то в реку, никаких следов пропавших не находят. Ни черепка, ни косточки!

– Господи, – ужаснулась одна из попутчиц, пожилая женщина, – что же он с телами тогда делает?

– Не исключено, *съедает!* – сказала светловолосая студентка с боковушки, которая, судя по веселому выражению лица, не воспринимала всерьез городские байки. Или *делала вид*, что не воспринимает всерьез...

Женщины дернулись, а старожилка, та самая, которая держала нить повествования в своих руках, зловещим тоном заметила:

– Это вполне вероятно! Да-да, наш маньяк вполне может быть каннибалом! Или он может делать с телами своих жертв еще *нечто гораздо более ужасное!*

– А что именно? – поинтересовалась одна из собеседниц, женщина помоложе.

Рассказчица явно гордилось мифическим маньяком и его кошмарными деяниями, и ей доставляло большое удовольствие наводить страху на попутчиц. Только вот светловолосая студенточка никак не хотела пугаться, а относилась к ее словам с явной иронией.

– Может, у него дома, в подземном бункере, своего рода музей, экспонатами которого служат тела его жертв, – предположила она ироническим тоном. – Или он занимается тем, что продает мясо на рынке – *человеческое мясо!* Под видом говядины или свинины, конечно. Так что на вашем месте я не стала бы покупать на рынке мясную продукцию. Как хорошо, что я сама вегетарианка!

– Я же сказала, что туалет не открою! – раздавался поблизости бас проводницы. – Раньше надо вставать, молодой человек! Кстати, вы в вагоне единственный, кто не удосужился до сих пор сдать постельное белье...

– А если я сейчас сдам, то вы откроете? На три минуточки? – канючил студент.

Поезд остановился около въезда на железнодорожный мост, пересекавший большую реку.

– На вашем месте я не стала бы иронизировать, – парировала рассказчица. – Потому что, по словам моего племянника, жертвами зачастую становятся студенты. Точнее, *студентки*. Ну и парни-студенты тоже – в этом-то и суть! Если бы исчезали только девушки, то давно бы возникла паника. А так как исчезают и молодые люди, то во многих случаях исходят из того, что они просто покинули город, переехали, перевелись в другой город...

– Нетипично для маньяков, – произнесла светловолосая студентка, явно получавшая удовольствие от полемики с рассказчицей. – Обычно они специализируются по одному полу. Хотя, конечно, не всегда...

Рассказчица не без злости заметила, что взгляды попутчиц устремились на эту молодую пигалицу. *Что за безобразие!* И что она, эта белобрысая особа, о себе возомнила? У рассказчицы она вызывала неприязнь – и своей нагловатой манерой поведения, и внешностью. Эти светлые патлы, собранные местами в косички, этот странный, похожий на лохмотья, хотя явно дорогой наряд, и необычный макияж, и пирсинг в брови, главное, яркие ногти – как на руках, так и на ногах, – какой-то ядовитый колер с замысловатым орнаментом. И, венец всему, броское украшение вокруг щиколотки – золотая цепочка с множеством брелоков. Причем брелоки были какие-то необычные. Господи, да ведь это *крошечные ухмыляющиеся черепа!* Вот ведь безвкусица и распущенность!

Подобный стиль рассказчица не одобряла и никогда бы не позволила собственной дочери так одеваться и безбожно уродовать себя. Как хорошо, что у нее не было дочери, только сыновья... *С мальчиками как-то проще.*

– А вы что, специалист по маньякам? – перебила она непочтительную студентку. – А мой племянник работает в полиции! И он вот рассказывал...

Взгляды собеседниц снова устремились на нее, и рассказчица еле заметно усмехнулась. Она знала, как завладеть вниманием аудитории.

– Если бы в городе действовал маньяк, на счету которого чуть ли не десятки жертв, то это бы стало давно всем известно. И никакие власти не смогли бы утаить это от населения! – заявила студентка и поправила цепочку на щиколотке. – Ведь слухами земля полнится.

С этими словами она демонстративно достала из своего большого синего рюкзака крутой плоский мобильник, подключила к нему наушники и всем своим видом продемонстрировала, что слушать байки более не намерена.

Рассказчица, подождав, пока светловолосая девица включит музыку и уставится в окно, ядовито произнесла:

– Жаль, что наша молодая попутчица нас не слышит. Многие, и я готова это признать, относятся к слухам о маньяке именно как к «городским легендам». Однако мой племянник не сомневается – серийный убийца существует и бесчинствует уже на протяжении многих лет. Только властям, конечно же, не с руки признавать его существование. Поэтому лучше списать кошмарные находки на все что угодно, только не на проделки маньяка. Мой племянник говорит, что им официально запрещено поддерживать версию о серийной убийце в нашем городе!

Светловолосая студентка, все время смотревшая в окно и участия в разговоре более не принимавшая, вдруг выдернула один наушник и произнесла:

– И кстати, если маньяк все же существует, то удивляет, что он так старательно замечает следы. *Или кто-то просто пытается создать впечатление, что у вас в городе действует маньяк?*

Сказав это, она снова вставила наушник и продолжила слушать не самую приятную, грохочущую музыку.

Поезд наконец снова тронулся, постепенно набирая скорость. Он пересекал железнодорожный мост, откуда открывался живописный вид на центр города, раскинувшегося на крутом правом берегу реки.

– И в самом деле, ведь если бы маньяк существовал, то он... То он наверняка бы оставлял гораздо больше следов! – произнесла конфузливо одна из попутчиц.

Рассказчица усмехнулась:

– В этом его расчет! Знаете, что мне племянник рассказывал? Что маньяки в массе своей ужасно тщеславные личности. И что они выставляют напоказ свои кошмарные деяния. Но наш маньяк не такой. Он прикладывает все усилия, чтобы его жертвы исчезали бесследно.

– Но останки, которые время от времени все же находят... – вставил кто-то.

С другого конца вагона донеслось грозное:

– Да отстаньте от меня уже, молодой человек! Туалет я вам не открою, русским же языком сказала! Мы уже почти приехали. И сдайте немедленно белье! Кстати, вы же за вчерашний чай еще не заплатили?

Рассказчица с видом знатока пояснила:

– Да, находят, но не потому, что маньяк такой идиот, *а потому, что он сам хочет, чтобы время от времени эти самые останки находили.* Потому что ему, как говорит мой племянник, важно, чтобы о его деяниях были в курсе. Не обо всех, а, конечно, о какой-то малой их части. И чтобы люди боялись – и в первую очередь неизвестности и неопределенности. Маньяк подбрасывает эти ужасные трофеи, чтобы сеять панику. Он делает это редко, время от времени, не

чаще двух-трех раз в год, и про его «подношения» никогда нельзя с уверенностью сказать, что это дело рук убийцы. Он вроде и существует, и не существует в одно и то же время! Это очень, очень *странный и страшный тип!* И наверняка жутко хитрый и кровожадный! Не удивлюсь, если его никогда не разоблачат!

– Вы так говорите о нем, как будто восхищаетесь этим подонком. И как будто даже в курсе, *кто этим маньяком является!* – снова раздался спокойный голос светловолосой студентки, которая, снова вытащив наушники, в упор смотрела на рассказчицу.

Та смешалась, лицо ее дернулось, словно сведенное внезапной судорогой, глаза сузились. Сначала растерявшись, она быстро произнесла:

– Милочка, вы несете несусветную чушь! Как вы вообще смеете говорить подобное?! А вот на вашем месте я была бы крайне осторожна – потому что вы, милочка, *вполне во вкусе нашего маньяка!*

В этот момент из динамиков полилась бравурная музыка, а затем пафосный голос оповестил пассажиров о том, что и так было ясно: поезд прибывает на первую платформу центрального вокзала города, и их путешествие, таким образом, подходит к концу.

Когда поезд наконец остановился, светловолосая студентка, быстро подхватив свой синий рюкзак, ни с кем не попрощавшись и ни на кого ни глядя, одной из первых устремилась к выходу.

– Вот оно, молодое поколение, – процедила с нескрываемым раздражением, торопливо пряча вещи в сумку, рассказчица, у которой было великое множество багажа. – Скажут глупость, хвостиком вильнут и думают, что все устаканится!

Но в нараставшей суете на ее причитания никто не обращал внимания. Только одна из попутчиц, женщина помоложе, с беспокойством произнесла:

– А вы думаете, мне тоже стоит опасаться? Я вот в гости к родственникам приехала, только они мне ничего такого про маньяка в вашем городе не говорили...

– Вы мне поможете достать сумку с верхней полки? А то меня никто встречать не будет, все на работе... – попросила ее рассказчица. И пока молодая женщина скакала по полкам, стараясь выполнить просьбу, произнесла:

– Нет, вам опасаться нечего. Эта белобрысая невоспитанная девица, в сущности, права – маньяки крайне консервативные создания. Своих привычек они не меняют. А наш убивает студенток и студентов. Так что если вы сюда не учиться в вузе приехали, то опасаться вам нечего... Осторожнее!

Вагон внезапно весьма ощутимо дернулся, а молодая женщина, не сумев удержать равновесие, стоя ногами на двух нижних полках, выпустила из рук небольшой баул, который пыталась вытащить сверху. Тот с уханьем приземлился на откидной столик, а потом свалился на пол, под ноги владелице.

– Ой, извините, вагон пришел в движение... Надеюсь, у вас там не было ничего бьющегося...

И она, и рассказчица уставились на обтянутый тканью бок баула, по которому растекалось *большое кровавое пятно*. Молодая женщина, дернувшись, внезапно сиплым голосом произнесла:

– А что у вас там?

Рассказчица, быстро перевернув баул, ответила:

– Клубничное варенье! Банка наверняка треснула...

– Ой, извините, я не хотела... Давайте мы ее сейчас вынем, чтобы она остальные вещи не испачкала. И у меня имеется где-то пустая пластмассовая коробочка, ну знаете, для хранения продуктов, я вам ее подарю, чтобы вы остатки варенья, в которые стекло не попало, переложить могли. Я вам помогу...

Она склонилась над баулом с явным намерением приняться за осуществление своего плана, как вдруг услышала резкий шипящий голос попутчицы:

– Не прикасайтесь к нему!

Молодая женщина, не понимая, что имеется в виду, подняла глаза – *и отшатнулась*. Потому что рассказчица, которая была в общем-то пожилой, приятной наружности дамой, вдруг в мгновение ока преобразилась и стала походить на разъяренную фурию. Только шевелящихся и раскрывающих пасть змей на голове вместо волос не хватало.

– Ой, извините, я не хотела...

– Не прикасайтесь к моим вещам! – произнесла рассказчица снова, затем черты ее лица смягчились, и она добавила: – Просто мои мальчики очень любят клубничное варенье, а теперь придется его выбросить.

– Так мы можем же переложить его в пластиковую коробочку и...

Молодая особа умолкала, потому что вдруг поняла, что ее попутчица явно не собирается воспользоваться ее предложением.

– Вам помочь? – спросила она растерянным тоном, на что пожилая дама ответила:

– Благодарю, не надо. Меня встречают. Вас ведь тоже? Так что всего вам хорошего!

Молодая пассажирка, бросив беглый взгляд в окно, увидела своих родственников, которые в нетерпении ожидали ее на перроне. И вдруг вспомнила, что всего несколько минут назад пожилая особа сетовала на то, *что ее никто не будет встречать*.

Та, видимо, подумав о том же, медленно произнесла, все еще таращась на все увеличивающееся кровавое пятно на боку баула:

– Мне только что СМС прислали, что все-таки заберут меня с вокзала. Так что большое вам спасибо и хорошего отдыха в нашем городе. Сентябрь и начало октября у нас – самое лучшее время года!

Молодая женщина вдруг подумала, что за все время поездки не видела у пожилой особы мобильного телефона. Как не видела его и сейчас. Но каким тогда образом та могла получить и, главное, *прочитать* СМС?

Внезапно она поняла, что вагон практически пуст. Отчего-то молодой пассажирке вдруг сделалось страшно, и в этот момент она увидела одного из встречающих, который прошел в вагон и кинулся к ней:

– Вот и ты! А то мы стоим там, на перроне, ждем...

Страх сменился радостью, молодая особа бросилась к родственнику, который подхватил ее вещи и вопросительно взглянул на застывшую над баулом с пятном пожилую даму.

– Идем, идем, – поторопила его молодая пассажирка, отчего-то даже не желая теперь смотреть в сторону этой особы. – Как же я рада, что приехала к вам!

Она двинулась к выходу и, не оборачиваясь, произнесла:

– Прощайте! Всего вам хорошего!

И только оказавшись на перроне, в объятиях прочих родственников, осознала, что по какой-то неведомой причине с языка у нее сорвалось именно «прощайте», а не стандартное «до свиданья» – словно... Словно она не хотела более никогда в жизни встречаться с этой особой, столь любившей вести беседы о маньяке.

Когда они прошествовали с платформы вглубь вокзала, прибывшая без всякой связи с тем, что возбужденно лепетали встречавшие ее родичи, произнесла:

– А скажите, правда, что... Что у вас в городе и окрестностях имеется... *Орудует неразоблаченный маньяк?*

Родственники расхохотались, переглянулись и хором ответили:

– Маньяк? Неразоблаченный? Первый раз об этом слышим!

У гостьи тотчас отлегло от сердца, она повеселела и приказала себе забыть обо всех этих ужасах, которые к тому же наверняка были выдумкой этой странной тетки из поезда.

Они отправились к стоянке, а по пути молодая приезжая заметила маячивший неподалеку большой синий рюкзак. Ах, ну да, студенточка, которая ехала на боковушке рядом с ними... Быть может, она не знала, куда идти...

Но все пять мест в их автомобиле были заняты, а она быстро выбросила студентку с синим рюкзаком и цепочкой вокруг щиколотки из головы.

Ведь настало время долгожданного отпуска!

– Извините, мы с вами, кажется, в одном вагоне только что сюда приехали? Ну, я хотела сказать, в одном вагоне одного поезда... Ну, того самого, который сюда пришел из... из...

Голос молодого человека окончательно умолк. *И почему он в очередной раз, обращаясь к симпатичной девушке, вел себя как последний идиот!*

А стоявшая перед ним девица была в самом деле симпатичная: высокая, спортивная, с затейливой прической из светлых волос и большим синим рюкзаком, который она прислонила к ноге, украшенной на щиколотке цепочкой с брелочками.

– Ну, допустим, – произнесла девушка с легкой улыбкой, вытаскивая наушники. В свою очередь, она окинула взором несколько нескладного, долговязого молодого человека, практически еще подростка, с растрепанной копной рыжих волос и двумя огромными рюкзаками.

– Меня зовут Петров. Я хотел сказать, Максим. Да, меня зовут Максим. Вы ведь на боковушке около туалета ехали?

Девушка смерила его оценивающим взглядом и снова произнесла:

– Ну допустим, Петров Максим.

Молодой человек почувствовал, что его лицо заливается румянцем – кошмарная реакция организма, с которой он ничего поделать не мог. Хуже всего, что в подобные моменты у него начинали пылать и уши, превращая его в героя сатирических комиксов.

– А вы ведь приехали сюда на учебу? – зачастил он. – Я вот сюда на учебу приехал, в Медицинскую академию. Потому что тут хоть и провинция, но Медакадемия входит в десятку лучших в стране. Я вообще поверить не мог, когда получил известие, что меня взяли. А вы тоже в меде учиться будете?

Девица, усмехнувшись, произнесла:

– Нет.

Кляня себя за то, что особа, похоже, не воспринимает его всерьез, Максим Петров мысленно задался вопросом, что же он в очередной раз делает не так? И отчего все девицы, с которыми он общался, говорили с ним насмешливым тоном. *Наверняка из-за его рыжей шевелюры и красных ушей!* Надо что-то делать...

– А, ну тогда, наверное, в Архитектурную академию? Она здесь, говорят, тоже неплохая... Или в лингвистический университет? Или в Высшую школу управления? А, наверное, тогда в Академию искусств.

– Да, – произнесла девица.

И Максим Петров смолк, не понимая, какой из перечисленных им вариантов оказался правильным. Однако уточнить не рискнул, потому что девица явно относилась к разряду независимых и языкастых – то есть к тому разряду, перед которым Максим Петров испытывал больше всего трепета.

Некоторое время они молчали: разговор явно не клеился, Максим не знал, что еще спросить, а девица явно не испытывала дискомфорта, ничего не говоря.

– Вам ведь тоже надо сначала в общежитие зарегистрироваться или... Или вы будете на частной квартире жить? Или у родственников? – рискнул он наконец, однако к своему ужасу понял, что девица его не слушает – точнее, не слышит, потому что она снова вставила себе в уши наушники.

Вот так всегда! Отчего-то представительницы противоположного пола не замечали его, Максима Петрова, ни в школе, предпочитая не реагировать на его робкие попытки сближения, ни, судя по всему, теперь, после начала вольной студенческой жизни.

Максим вздохнул, засунул руку в карман и вдруг обнаружил, что распечатки, над которыми он трясся все это время, бесследно исчезли.

Он не на шутку переполошился, запустил руку в другой карман. *И тут ничего!* Но куда же тогда он дел все эти важные записи? В городе он был впервые и понятия не имел, как добраться до общежития Медицинской академии.

Судорожно раскрыв рюкзак, Максим начал копошиться в нем. На свет божий были вынуты грязные носки, чистые трусы, большая чугунная сковородка, которую он тайком прихватил из дома – на ней бабушка жарила такие вкусные оладушки!

– А в другом месте вы это делать не можете? Это остановка маршруток! – услышал он чей-то недовольный голос и сразу ощутил себя сусликом, попавшим в саванну, по которой несется стадо обезумевших слонов. К бордюру подкатило сразу несколько «Газелей», и масса потенциальных пассажиров бросилась на штурм оных, не обращая внимания на Максима, пиная и задевая его со всех сторон ногами и выплевывая в его адрес не самые лестные фразы.

Вечерело. Несмотря на летнюю пору, чувствовалось, что день катится к завершению.

Подхватив сковородку и прижав ее к груди, Максим посмотрел куда-то вбок – и вдруг увидел светловолосую богиню с синим рюкзаком, которая садилась в чей-то черный внедорожник.

Была не была! Решение было принято под воздействием сиюминутного импульса, но Максим знал, что не имеет права упускать эту столь поразившую его воображение незнакомку. Быть может, он никогда ее больше не увидит. Так что надо было брать быка за рога.

Или, в данном случае, хватать рюкзак и сковородку и нестись со всех ног к черному внедорожнику, припарковавшемуся метрах в двадцати от стоянки маршруток.

Ведь ему позарез требовалась *спутница жизни!*

Девушка уже заняла место на заднем сиденье, когда Максим, запыхавшись, подбежал к автомобилю и рванул на себя дверцу.

– Мне с вами по пути! Подвезите меня тоже! – заявил он и плюхнулся на сиденье рядом с водителем.

Тот оказался быкообразным мужчиной лет сорока пяти, с черной бородкой, в черном деловом костюме и с огромной золотой печаткой на волосатом пальце.

– Парень, у меня для тебя нет места, – произнес он угрожающе, а Максим с ужасом подумал, что такой частный «бомбила» явно не вызывает доверия. И что он на месте светловолосой студентки, чьего имени он до сих пор не знал, никогда бы не подсел к подобному типу.

Или это был ее родственник или, что ужаснее, *близкий друг?*

Судя по лицу со злобным выражением, водитель намеревался вытряхнуть Максима из салона своего автомобиля, но тут раздался спокойный голос с заднего сиденья:

– Мы путешествуем вместе. Вы ведь подвезете и Максима тоже?

Сердца молодого человека учащенно забились. Вау, светловолосая богиня запомнила его имя! А вот он ее – нет. *Черт, она ведь ему даже и не представилась...*

Водитель, словно изучая Максима, вперила в него долгий сумрачный взгляд, потом, приняв решение, крикнул и произнес:

– Ладно, пусть этот рыжий хлюпик едет вместе с нами. Так куда вас везти?

Максим не знал, что и сказать. Ему, собственно, было все равно куда, лишь бы находиться в непосредственной близости от светловолосой богини. Школьная пора закончилась, он, став студентом, вступил во взрослую жизнь.

Так что умнее всего было самому ничего не говорить, а дожидаться, пока девушка сообщит, куда лежит ее путь. Потому что упускать свой шанс Максим Петров явно не желал.

– Мне нужно в Ленинский район, – сказала наконец девушка. – Довезете?

Водитель, заведя мотор и тронувшись с места, пробормотал:

– Отчего не довезти? Довезу. Правда, это на другом конце города, но подброшу. А тебе, парень, туда же?

– Я же сказала, что мы путешествуем вместе, – произнесла спокойным тоном девушка. Максим не стал возражать. С большим трудом запихнув рюкзак между ног, он бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Девушка, как обычно, вставила в уши наушники и слушала музыку.

Водитель тоже попался неразговорчивый. Они проехали по центру города, потом углубились в предместья. Город быстро погружался во тьму.

– Там у нас дорогу на Ленинский латают, поэтому по прямой не проедем, – проговорил вдруг водитель, сворачивая с магистрали куда-то в сторону. – Так что придется окольными путями добираться.

Максим, которому брутальный водитель не понравился с самого начала, произнес:

– А почему тогда никто, кроме нас, сюда не сворачивает?

– Потому что идиоты, – заметил водитель и странно ухмыльнулся. – Да и не все едут в Ленинский, как мы. Вы же хотите доехать туда, куда вам надо?

Хотя Максим и не знал, куда им надо, однако, судорожно сглотнув, кивнул. В голову лезли все эти глупые разговоры, которые он, препираясь с проводницей в поезде, услышал вполуха. Что-то о маньяке, который похищает и убивает студентов.

Максим в очередной раз быстро посмотрел на водителя, а тот, уловив его взгляд, клацнул зубами и произнес:

– Что, нравлюсь?

Максим запустил руку в рюкзак и сжал рукоятку чугунной сковороды. Так-то надежнее. Тем более этот тип, *если он в самом деле маньяк*, не решит напасть на них вдвоем. И уж точно не в тот момент, когда он сам находится за рулем.

– Это твоя девушка? – спросил его вдруг водитель, и Максим снова бросил взгляд на светловолосую богиню, которая безмятежно слушала в наушниках что-то громыхающее и смотрела в окно, кажется, даже и не задавшись вопросом, отчего они покинули основную трассу.

– Да, – осторожно ответил Максим, более всего беспокоясь, что девушка услышит его беспардонный ответ.

Водитель ухмыльнулся, хотя Максим так и не понял, что в его словах такого смешного.

– Значит, вы парочка. И как давно вы вместе?

– Ну не очень давно, – пробормотал Максим, которому эта тема внезапно стала неприятна. *Тем более собеседник попался на редкость подозрительный.*

– Повезло тебе, парень, – продолжил со странным смешком водитель, – сам ты рохля, а подцепил такого знатного бабца. Ну и как у вас, двух голубков, в постели, все тип-топ? Она наверняка жаркая штучка...

Максим разинул рот, потому как не знал, как реагировать на хамский вопрос водителя, как вдруг раздался голос светловолосой богини:

– А куда мы, собственно, едем? И почему не по основной трассе?

И в самом деле, они ехали неведь где, по ухабистому шоссе, которое пересекало лесной массив. Причем, казалось, *никто, кроме них*, этим маршрутом не следовал. Во всяком случае, за ними никто не ехал, а по встречной полосе автомобили попадались только каждые две-три минуты.

– Я уже сказал твоему приятелю, что основную трассу в Ленинский перекрыли. Там дорожное полотно размыло. Ливень у нас на прошлой неделе был сильнейший. Вот и везу вас в объезд.

– Ясно. Спасибо. – Девушка снова запихнула наушник в ухо и уставилась в окно, хотя за ним ничего, кроме черных деревьев и стремительно сгущающейся тьмы видно не было.

– Вы же сказали, что дорогу латают, – произнес осторожно Максим, еще сильнее сжимая сковороду. – А теперь заявили, что полотно размыло.

Водитель некоторое время молчал, так что Максим подумал, что он не услышал его вопроса, но потом все же отозвался:

– Ну да, сначала размыло, а теперь латают. Что в этом непонятного?

Действительно, *что?* Максим и сам не знал, отчего у него так гулко билось сердце. Если принять всю эту болтовню о маньяке, убивающем студентов, за правду, то кто сказал, что они сели в машину именно к маньяку? С точки зрения статистики это было невероятное совпадение!

Впрочем, так наверняка думают все жертвы маньяков.

– Что ты так напрягся? И дрожишь как цуцик? – спросил его внезапно водитель. – Думаешь, сейчас вас завезу невесть куда, по очереди трахну, а потом выпотрошу?

Максим был уже готов вытащить сковороду из рюкзака и огреть ею водителя, когда тот сказал:

– Ладно, парень, сбавь обороты. Меня зовут Дмитрий Михайлович, я работаю в полиции. Не веришь? Правильно, верить никому нельзя! Вот, смотри!

Он вытащил из бардачка удостоверение с орлом и, быстро обернувшись, ткнул его в лицо Максиму. В самом деле, Дмитрий Михайлович Петров, сотрудник полиции. Фотография, печать, витиеватая подпись. Все чин-чином.

Даже фамилия у них одна и та же – *Петров!* От этого тотчас стало легче. Максим заметно повеселел.

– Ладно, не дрожи! Вы наверняка всяких баек про маньяка наслушались? Так вот, авторитетно заявляю: никакого такого маньяка у нас в городе нет! Все это рассказы старых бабок и слухи, которые желтая пресса намеренно в народ пускает, дабы увеличить тиражи своих гнусных изданий.

Он вздохнул.

– Мы с этим боремся, но бесполезно. Понятное дело, что журналюги на этом купоны стригут. Еще бы, прямо об этом не пишут, потому как за это запросто бы засудили, а так, *намеками...* Этим, сволочи, и живут...

Максим, уже окончательно взбодрившись и даже отпустив сковородку, спросил:

– А что, маньяка в самом деле нет? А вот женщина в поезде утверждала...

Водитель-однофамилец оглушительно расхохотался:

– Ты еще бабок на местном рынке послушай! Тоже мне, эксперты! Брехня все это! Запустить слухи легче легкого, а вот доказать, что все это бред несусветный, невероятно сложно! Кстати, пива хочешь?

Максим отрицательно качнул головой, а водитель подозрительно спросил:

– Ты что, не мужик, что ли? Вы точно с этим бабцом пара? Или, может, наврали вы мне? Я же следак, у меня нюх на брехню. Ну держи!

Водитель всучил ему бутылку с пивом, которую достал откуда-то сбоку. Надо же, она была даже холодная! Внезапно Максим ощутил жажду и понял, что ужасно хочется есть.

– Знаете, я не пью...

– А с девушками спишь? – расхохотался беспардонный водитель, и Максим был ужасно рад, что в салоне царит тьма и водитель не может видеть, как Максимова лицо и в особенности уши приняли оттенок вареной свеклы.

Не желая углублять скользкую тему, Максим скovyрнул крышку, которая, как ему подумалось, сидела неплотно, и уверенно сделал большой глоток.

– Неплохо, – произнес он и сделал еще один глоток.

– Да уж допивай, что же ты, не мужик, что ли, – заявил водитель. – Чего добро переводить. Максим так и поступил. Странно, но алкоголь оказал на него необыкновенное воздействие. Глаза вдруг стали слипаться, в ушах зашумело.

– Что, студент, на бок валишься? В сон потянуло? – донесся до него голос водителя, такой насмешливый и... *злорадный*. Максим попытался что-то сказать, но изо рта вырвались только нечленораздельные булькающие звуки. Не может же быть, чтобы от одной бутылки пива, пусть и на голодный желудок...

Да, не может. *От пива* не может. А от пива, в которое заранее была подмешана *какая-то гадость*, может быть и не такое.

– Что... Что вы... – выдавил из себя огромным усилием Максим и попытался нащупать рюкзак, дабы извлечь сковороду, но почувствовал, что не в состоянии пошевелиться.

– Спи, моя радость, усни, – заметил водитель, голос которого звучал как из бочки. – Сначала я займусь бабцом, а потом и для тебя, парень, применение найдем.

Господи, как же легко этот тип их обдурил! Удостоверение было наверняка поддельное. Или, что хуже, настоящее, и это значило, что маньяк не только существовал, но и являлся сотрудником полиции. Тогда понятно, почему о его существовании официально ничего не было известно.

– Гыгыгы, – произнес Максим, желая предупредить светловолосую богиню, которая все еще смотрела в окно или, возможно, задремала и так и не поняла, какая драма тем временем разыгрывалась рядом с ней.

А затем его взгляд вырвал из тьмы деталь, на которую он раньше не обращал внимания. Под зеркалом заднего вида висел, равномерно покачиваясь, скелет в черном плаще с капюшном и косой в руке.

Максим предпринял последнюю отчаянную попытку подать голос, а затем отключился.

Автомобиль резко затормозил, и светловолосая девушка, открыв глаза, поняла, что он съехал на обочину. Девушка вынула из уха наушник и обратилась к водителю, который неподвижно, словно о чем-то раздумывая, замер за рулем. В салоне было темно.

– А в чем, собственно, дело?

– Да вот, мотор что-то забарахлил. Сейчас посмотрю, в чем дело, и потом дальше поедем, – раздался глухой голос водителя, который, не дожидаясь реакции девушки, вышел из салона и словно растворился в темноте.

Девушка пожалала плечами, а затем покосилась на сидевшего в странной позе смешного рыжеволосого попутчика, который еще в поезде бросал на нее пламенные взгляды и на Привокзальной площади явно набивался в кавалеры.

Что-то в позе молодого человека показалось девушке неестественным. Она протянула руку и дотронулась до плеча парня. Как же его звали?.. А, кажется, *Петров Максим*. Девушка слабо улыбнулась.

– А тебе он что-то сказал? – спросила она тихо, однако ответа не последовало. Девушка толкнула Петрова Максима в плечо сильнее, а когда и после этого он не отреагировал, попыталась перегнуться к нему с заднего сиденья на переднее.

Тело рыжеволосого студиязуса стало плавно оседать куда-то вниз, однако сползло всего на несколько сантиметров, потому что его дальнейшему продвижению препятствовал большой рюкзак, зажатый между колен молодого человека.

Девушка приложила палец к шее не подававшего признаков жизни Максима. Жив, но, вероятнее всего, без сознания. *Но почему?* Ее взгляд упал на бутылку пива, которая лежала под сиденьем. Ага, она ведь сама видела, как водитель подал ее парню, тот открыл ее, сделал несколько глотков и спустя несколько минут...

Отключился!

– Интересное кино! – произнесла девушка, дотронулась до дверцы и вдруг поняла, что она заблокирована. *Кто это мог сделать?* Только водитель, который был где-то снаружи!

И тут до нее донеслись шаги, а потом звук открывающейся двери. Она заметила массивную фигуру чернородого водителя.

– Ну, приехали, – произнес он, – карбюратор накрылся!

– Вам помочь? – проговорила девушка, засовывая мобильник как можно дальше в свой синий рюкзак. – Я ведь в двигателях неплохо разбираюсь, какое-то время в автомастерской работала.

Водитель хмыкнул, но ничего не ответил.

– Так вам помочь? – повторила свое предложение девушка, и водитель ответил:

– Ну, помоги...

Девушка осторожно толкнула дверцу, которая на этот раз без проблем поддалась, и вышла на свежий воздух. Они находились где-то на обочине лесополосы, причем пролежавшая сквозь этот дремучий участок трасса была пустыня.

– А рюкзак ты чего с собой тащишь? – произнес водитель, заметив, что девушка надевает тот себе на спину. – Он же тебе мешает!

– Да нет, ничего страшного, я привычная. Знаете, я путешествую много, – проговорила девушка и почувствовала, несмотря на темноту, что водитель всю поездку едет ее глазами. Ей сделалось крайне неприятно.

– И не боишься ты так одна по стране шляться? – спросил он со странным смешком. – Ведь личности всякие попадают, могут на тебя позариться.

– Не одна, а с сестрой, но ее дела в другом месте задержали, – произнесла девушка спокойно, – и да, бывает, причем частенько, пристают. Но у меня на такой случай для надоедливых типов имеется сюрприз! Так мы будем беседовать или вы мне позволите бросить взгляд на карбюратор? Я очень даже неплохо разбираюсь в технике. Хотя, если честно, я не слышала, чтобы вы вообще открывали капот и что-то там осматривали. Вы ведь просто вышли из салона и наблюдали за мной, ведь так? Так что у вас там стряслось?

Однако водитель явно не спешил подпустить ее к карбюратору.

– Да ты сама как сюрприз, ты это знаешь? – раздался его хриплый голос.

– А вы знаете, что наш попутчик потерял сознание? – произнесла девушка. – Ему надо помочь.

– Забудь об этом идиоте. Я как раз хотел предложить тебе...

Девушка повысила голос:

– Ему требуется помощь, причем немедленно! Возможно, это диабетический шок. Или даже инсульт!

В этот момент из салона донесся протяжный звонок мобильного. Водитель вздрогнул и произнес:

– Это твой?

– Нет, не мой. И не ваш, думается, тоже. Наверное, нашего попутчика. Давайте я приму звонок и скажу, что ему требуется помощь.

Она даже раскрыла дверцу, но водитель резко бросил:

– Ничего такого ты делать не будешь.

– Но почему, – начала девушка, но внезапно увидела перед собой руку водителя, *в которой был зажат пистолет*. Телефон внезапно умолк.

– Никаких глупостей, красавица, иначе я буду стрелять, причем здесь нас никто не услышит. Ведь никакую трассу в Ленинский не размыло, и эта дорога вообще ведет в область.

Девушка тихо произнесла:

– Что вы намереваетесь делать?

Водитель гоготнул:

– Неплохо провести с тобой время, красотка! Ты ведь только строишь из себя Снежную королеву, а наверняка до грязного секса жутко охоча.

– Ну, допустим, – ответила девушка, – однако нам лучше разойтись с миром.

– Ты что, не поняла, что я могу в любой момент прострелить тебе башку? Не вынуждай меня это делать!

В этот момент из салона снова донеслась назойливая громкая мелодия.

– А с ним вы тоже хотите неплохо провести время? – произнесла девушка, указывая на находившегося в бессознательном состоянии Максима.

– Ты за кого меня принимаешь? – прорычал водитель. – И вообще, чего ты такая разговорчивая? Думаешь, «пушка» у меня игрушечная?

– Уверена, что нет. И что она к тому же заряжена. Однако я исхожу из того, что для того, чтобы, как вы выразились, неплохо провести со мной время, я требуюсь вам живая и по возможности здоровая, а не истекающая кровью. Хотя кто знает, быть может, у вас имеются садистские и даже некрофилические обсессии.

– Ты чего несешь? – взвился водитель, размахивая пистолетом. – И отключи этот чертов мобильный! Давай, иначе я не тебя, а его пристрелю.

Девушка была вынуждена склониться над телом Максима и, обшарив его тощее туловище, извлечь из внутреннего кармана стильной фуфайки мобильный.

– Бабушка, – произнесла она, показывая водителю, который все еще стоял рядом и держал ее на мушке, светящийся дисплей. – Видимо, его, – она кивнула на вырубившегося молодого человека. – Вы хотите, чтобы я приняла звонок?

– Я хочу, чтобы эта штука больше не издавала эти мерзкие звуки! – заорал на нее водитель, а девушка вздохнула:

– Да, мелодия далеко не самая приятная, но так многие делают – назначают особому номеру намеренно жуткое звуковое сопровождение. Если я сброшу звонок, то его бабуля, которая, судя по всему, человек назойливый и обстоятельный, будет снова трезвонить или вообще поднимет тревогу. Ведь внучек-то не объявляется!

– Не испытывай мое терпение! – завизжал водитель. Телефон опять погас и перестал трезвонить.

Девушка вздохнула:

– Так-то лучше. Или мне его отключить? Бабуля, конечно, будет снова названивать, но напорется на автоответчик. Могу, конечно, послать ей СМС: «Бабушка, все в порядке, сейчас занят, позвоню завтра», но я не знаю, успокоит ли это ее. Тем более некоторые бабушки не умеют открывать и читать СМС.

– Что ты плетешь? – произнес, тяжело дыша, водитель. – Какая СМС, какая бабка? Дай мне его мобильник!

– Извините, он у меня из рук выскочил и в траву улетел, – ответила девушка. – Мне его поискать?

– Стоять! – взвыл водитель, приближаясь к ней. – Ты что мне голову морочишь, красотка? Думаешь, я не понимаю, что ты специально время тянешь? Думаешь, я тебя пощажу или тебе удастся от меня убежать?

Девушка, смерив массивную фигуру взглядом, произнесла:

– Не думаю. Поэтому я готова. Секс так секс. Давайте, только поживее и без ненужного драматизма и всяких извращений.

– Ты думаешь, мне секс нужен? – расхохотался водитель. – А о маньяке, который людей у нас в городе и окрестностях потрошит, слышала?

– Слышала, – ответила девушка. – Вы что, хотите сказать, что вы и есть маньяк?

Водитель разразился жутким смехом.

– Ну у тебя и нервы, красавица! Первый раз такая упертая жертва попадаетеся! Уверен, что нам вместе будет хорошо.

– Вы слышали? – перебила его девушка и кивком указала на машину. – Он стонет!

Водитель дернулся.

– Доза вроде лошадиная... – произнес он и смолк, а потом подозрительно спросил: – Ты меня на понт берешь?

– Отнюдь, – ответила девушка, – вы ведь угостили его пивком с каким-то сильнодействующим средством типа клофелина? Однако он, вероятно, выпил не все. Или индивидуальная реакция такая. Он нам мешать будет.

– Мешать? – тупо переспросил водитель, а девушка тем временем расстегнула рубашку на груди: бюстгалтера на ней не было.

– Ну да, вы же хотели провести весело время вместе. А если этот хлюпик в самый неподходящий момент в себя придет, то весь кайф ломает. Его надо на обочину вытащить.

– Тащи! – приказал водитель, и девушка попыталась вытянуть Максима из салона.

– Да вы мне хоть помогите! Или думаете, мне так легко это одной делать?

Водитель, переложив пистолет в другую руку, подошел к ней и подхватил длинные ноги Максима.

– Скажите, а вы ведь на парочки охотитесь? Девушек насилуете и убиваете, а парней? Просто убиваете? Или... Или тоже того? – спросила она, а водитель прорычал:

– Да что ты себе позволяешь? И вообще, если во мне не будить зверя, то я...

– То ты так и останешься преступным мерзавцем! – произнесла девушка, развернулась и со всей силы заехала водителю, не ожидавшему нападения, по лицу сковородой, которую успела извлечь из рюкзака Максима.

Водитель взвыл, повалился коленями на траву, а девушка нанесла ему еще один удар сковородой, на этот раз по загривку. Хрипя, тип упал на землю.

Отбросив сковороду, девушка подняла выпавший из руки водителя пистолет. Проверив обойму и убедившись, что она полная, сказала:

– Так... Очень интересно... Прямо на того, кого нужно, сразу и напоролась.

– Тварь! Ты мне нос сломала, – раздался приглушенный гундосый вопль водителя.

– Я могу и ногу прострелить. Или, к примеру, пах, – ответила девушка. – Я же говорила, что готова к недобрым попутчикам и умею преподнести им сюрпризы.

В этот момент их ослепил свет фар – пронесшаяся мимо них в направлении центра машина с шуршанием исчезла во тьме. Длилось это несколько секунд, но когда момент миновал, девушка увидела, что только что валявшийся перед ней водитель куда-то исчез.

– Значит, вы хотите поиграть? – произнесла она. – Ну что же...

С диким рычанием тип бросился на нее из-за автомобиля, куда он, воспользовавшись отвлекающим фактором в виде проезжавшей мимо машины, сумел откатиться. Его лицо было ужасно – залитое кровью, с выпученными глазами и оскаленными желтыми зубами. В руке у него был зажат нож.

Прогремел выстрел. Затем второй. Послышался дикий человеческий крик. Девушка, подойдя к извивавшемуся на асфальте водителю, который сжимал простреленное плечо, отшвырнула носком кеды нож в траву.

– Я же вас предупреждала. А вы не верили.

– Гадина... Садистка... Уродка... – хрипел водитель, стараясь отползти от девушки в сторону лесопосадок.

– И это говорит субъект, который только что намеревался изнасиловать меня, а потом, по всей видимости, убить? А помимо этого, лишить жизни этого несчастного, ни к чему не причастного студента? – спросила она спокойно, следуя за ползущим от нее водителем.

– Что тебе надо, дрянь? – прохрипел он. – Пристрелишь теперь меня?

Девушка вздохнула и заткнула пистолет за пояс.

– Я, в отличие от вас, людей *просто так* не убиваю. Вас надо бы сдать на руки местной доблестной полиции. Однако вы ведь сам, кажется, работаете там...

Водитель, кляня всех и вся, отполз на безопасное расстояние. Девушка наблюдала за ним, размышляя над тем, что же предпринять. Она подошла к Максиму, оттащила его от проезжей части в глубь леса, измерила пульс и удостоверилась, что состояние молодого человека критическим не является.

Вернувшись к автомобилю, она быстро обыскала его, обнаружила в бардачке два складных ножа, наручники, а также несколько удостоверений.

В багажнике она нашла черную спортивную сумку, в которой имелись опять же наручники, набор охотничьих ножей, два мотка эластичной бечевки, складная лопата, а также упаковка особо прочных презервативов и большой тюбик интимного геля, наполовину использованный.

– Джентльменский набор провинциального маньяка, – произнесла девушка, захлопнула багажник и поправила цепочку на щиколотке. Затем она неспешно прошествовала в сторону, куда уполз водитель. Видно его уже не было, однако она была уверена, что он из темноты наблюдает за каждым ее действием и отлично слышит, что она говорит.

– Вы что-то пытались сказать мне про местного маньяка... Так что, не желаете углубить эту тему? Быть может, вы хотите сделать признание? Я могу заснять его на мобильный.

– Да пошла ты! – раздался из леса злобный голос. – Когда я доберусь до тебя, я такое с тобой учиню... Я...

– До меня вы не доберетесь, – произнесла спокойно девушка, – и ни до кого больше, думается, тоже. Потому что на этом ваша деятельность местного Джека-потрошителя завершена. Сейчас дадите мне признательные показания, и я оставлю вас в покое. Впрочем, покой этот долго длиться не будет. Вас ваши же коллеги и прихлопнут, еще в СИЗО. Однако потеря это для прогрессивного человечества, думается, не слишком большая.

– Оставь меня в покое! – раздался жалостливый истеричный крик водителя. – Я пошутил, я ничего не хотел такого делать.

– А вот я не шучу, – ответила девушка. Она не успела еще двинуться в сторону лесопосадок, потому что снова послышался шелест шин и темноту прорезал свет фар. Но на этот раз автомобиль, который следовал в том же направлении, что и они, не пронесся мимо, а затормозил, а затем плавно съехал на обочину. А до девушки донесся дружелюбный голос:

– *Подвезти?*

Вера

Вера Кудымова, будучи «совой», ненавидела вставать в такую рань, к тому же в воскресенье, да еще весной, однако, разлепив глаза и увидев имя звонившего на дисплее смартфона, она приняла звонок.

– Да! – произнесла она и услышала тихий голос:

– Если хотите кое-чего интересного, то приезжайте к старому пляжу около санатория металлургического завода. С той стороны, где забор и чиновничьи дачи. Однако у вас имеется не больше часа.

Говорящий, не пожелавший ей ни доброго утра, ни хорошего дня, отключился. Вера, свесившаяся с дивана, бросила мобильный на пол, перевернулась на спину и ровно тридцать секунд блаженствовала, закрыв глаза и думая о том, что хорошо было бы остаться в теплой постели и никуда не ехать в шестом часу утра.

Но уже десять минут спустя, наскоро приняв душ и натянув на невысушенные волосы большую вязаную шапку, она вылетела из подъезда одного из домов в элитной части города и села за руль своей иномарки. Той самой, которую они покупали с Кудымовым вместе в кредит. Кудымов ушел, а кредит остался, и выплачивала его теперь она одна.

Прогревая мотор, Вера подумала о том, что давно уже должна выбросить своего бывшего супруга из головы. Расстались-то они еще до Нового года, а теперь была середина марта.

Может, и должна, но не могла. Точнее, *была не в состоянии*. Нет, на него она зла не держала, то, что он эгоист и бабник, ей было известно с самого начала. Удивительно, но факт: какое-то время им даже удавалось быть счастливыми. Хотя не исключено, что это она пыталась убедить себя в этом после разрыва их отношений.

И ведь если бы это она его выгнала! Так нет, *это он ее бросил!* Впрочем, Кудымов надеялся, что она ринется за ним, будет умолять вернуться, плакаться и кричать, что она жить без него не может. Так же, как делала это уже пару раз. И это ему было отлично известно.

Но на этот раз все было иначе. Она не бросилась, не плакала, не умоляла вернуться. А потом... Потом поняла, что так даже и лучше! Тем более и Кудымов долго не у дел не оставался, а оперативно съехался со своей любовницей, чья мамочка была чиновницей в городской администрации.

Что же, с ней наверняка больше перспектив, чем с журналисткой, работающей в уважаемых, правда, с падающими тиражами «Городских вестях».

Взбодрившись от тепла, быстро заполнявшего салон автомобиля, Вера зевнула, бросила на себя взгляд в зеркало заднего вида, поправила локон темных волос, выбившийся из-под разноцветной шапочки, не без скепсиса отметила, что в свои тридцать четыре выглядит на тридцать четыре, отогнала мысль о том, что, несмотря на все свои минусы, Кудымов мог бы стать неплохим отцом для ее ребенка, и осторожно порулила прочь со стоянки.

Ребенок... Кудымов, ее *бывший* муж, сам был как ребенок. Хотя никакой не *бывший*, а вполне даже еще актуальный: на развод она подала сразу же после продолжительных новогодних праздников, но на бумаге они все еще оставались супругами. И мамочки – что ее, что его – были твердо уверены, что все еще срастется и образуется.

Вера прекрасно знала, что ничего уже *не срастется и не образуется*. Да, Кудымов, в сущности, неплохой человек, но и не хороший тоже. Их брак длился почти шесть лет – изначально все были уверены, что они не протянут вместе и года. *Протянули*. И даже в шесть раз больше.

Однако это бывший, точнее, все еще нынешний муж может позволить себе в свои тридцать пять гулять на стороне и вести себя точно так же, как вел себя в двадцать пять. И как, с большой долей вероятности, будет вести себя и в сорок пять, и в пятьдесят пять.

Он же мужчина.

Как будто эта коронная фраза, которую на-гора выдавала и его мамочка, что неудивительно, и ее собственная, что поразительно, объясняла все секреты мироздания и, в частности, поведение Кудымова.

Да, он – мужчина, а вот она – женщина. И в последнее время Кудымов, словно объединившись с обеими родительницами (а может, и в самом деле *объединился?*), насел на нее, твердя только об одном: что пора завести ребенка.

Она сама это понимала, однако не могла признаться ни ему, ни тем более маме в том, что не намеревалась заводить детей. Нет, не *не могла*, а именно *не хотела*. И считала, что можно прожить и без детей.

Наверное, в этом-то и была истинная причина расставания с Кудымовым. Потому что останься он с ней, ей пришлось бы ставить родственников в известность о том, что дети в ее жизненные планы не входили – ни сейчас, ни вообще когда-либо в будущем. Что привело бы к поистине шекспировским драмам и неминуемым скандалам. Или все же забеременеть – и сделаться матерью, понимая, что это не то, к чему она стремилась.

А к чему она стремилась? Вера проехала через пустынный в этот час центр и свернула к мосту через реку. Она знала, какой пляж звонивший имеет в виду.

Да, к чему? К тому, чему бы дети стали помехой. Звучало ужасно, как будто она была каким-то злодеем. На самом деле ничего ужасного не было: ну не хотела она становиться матерью, а вместо этого намеревалась делать карьеру. Ведь ей уж тридцать четыре!

А место первого заместителя главреда должно освободиться к концу года. *Или даже раньше*. И она приложит все усилия, чтобы занять его – и займет. А потом и место главреда. И полностью переделает формат «Городских вестей». Она знала, что владелец согласится: ему главное, чтобы тиражи не падали и доходы увеличивались. Она с этим справится.

Ребенок в борьбе за кресло главреда стал бы только помехой. Да, собственно, у нее уже и был ребенок – *ее газета*.

Пока что не *ее*, она была всего лишь одним из перспективных кадров. Все остальные претенденты на пост первого заместителя – конечно, *мужчины*. И Вера была в курсе того, как кое-кто из них осторожно распускал слухи о том, что она-де вот-вот уйдет в декрет, у нее же *возраст критический*. А раз так, то нечего ее всерьез принимать и на освободившееся место назначать.

Вера улыбнулась. И никто из них не в курсе, что она уже поговорила с хозяином газеты. Точнее, не с ним самим, так как он часто зависал в Москве, а с его деятельной мамочкой, бывшей учительницей, которая когда-то преподавала у нее географию.

Вера поведала ей о том, что намеревается сделать с газетой и что не собирается уходить в декрет – ни сейчас, ни вообще когда-либо. Мамочка была личностью своеобразной, но Вера знала, что информация достигла адресата и что ей предоставили шанс.

И что она должна его использовать.

Взглянув на часы, Вера убедилась, что прошло пятьдесят минут с тех пор, как звонок информатора разбудил ее. «Городские вести» были газетой пресной и скучной. У них в городе имелаась желтая пресса, та самая невыносимая газетенка, на которую работал Кудымов. Однако сенсации у них были дутые и высосанные из пальца.

Ей же, чтобы реализовать свой шанс и занять место первого заместителя главреда, а потом и самого главреда, требовалась сенсация *настоящая*.

С этой-то целью она, по знаку зодиака скрупулезная Дева, и оплачивала услуги людей, которые знали, что творится в их городе в самых различных сферах, в том числе и *криминальной*.

Вера оставила автомобиль около ржавых ворот, поправила вязаную шапочку и двинулась по скрипучему песку вперед.

Пляж был заброшенный, и в последние годы он являлся предметом судебных разбирательств между владельцами элитных коттеджей, располагавшихся слева, и хозяином металлургического завода, которому принадлежала старая, уже давно закрытая турбаза, находящаяся справа. Так как и обитатели поселка, и владелец металлургического завода были людьми с деньгами, связями и весом в политических кругах, то окончательное решение вынесено еще не было, и пляж, расположенный на одном из рукавов реки, продолжал оставаться ничейным и постепенно приходить в запустение.

– Доброе утро! – произнесла Вера, приближаясь к фигуре в черной куртке и натянутой по самые уши черной же вязаной шапке. Человек сидел на большом черном бревне. Это был тот самый осведомитель, который позвонил ей около часа назад.

Тот ничего не ответил, а только кивнул и указал на нечто, лежавшее у кромки воды.

– Видимо, сегодня ночью на пляж течением выбросило, – сказал он хрипло и закурил.

Вера, чувствуя, что ее сердце учащенно забилося, подошла к предмету, который лежал на грязном, усеянном гниющими водорослями и пластиковым мусором сером песке.

Это была человеческая нога, точнее, ее часть: стопа с куском голени. *Левая*. Нога была явно женская, о чем свидетельствовали размеры, а также яркий, с замысловатым узором лак на ногтях, а также занимательный аксессуар: золотая цепочка, опоясывавшая щиколотку, с массой крошечных брелоков.

Присев перед жуткой находкой, Вера дрожащими руками извлекла из-под куртки фотоаппарат. Она протянула было руку к ноге, но потом отдернула. Затем склонилась над находкой и присмотрелась – брелоки были в виде крошечных черепов.

То, что нужно!

Она принялась делать фотографии с различных точек и с разного расстояния. Ее осведомитель, быстро докурив сигарету, произнес:

– Тариф, с учетом ситуации, двойной. Надеюсь на ваше понимание.

Произнесено это было спокойным тоном, но Вера понимала, что торговаться не просто бесполезно, но и *опасно*. Потому что в следующий раз он позвонит не ей, а кому-то другому, например, одному из этих мачо, которые тоже метят в кресло первого заместителя главреда.

Или, что гораздо ужаснее, *ее бывшему*.

Быстро расставшись с тысячными банкнотами, Вера снова принялась делать фотографии, на этот раз не только самой человеческой ноги, но и унылого ландшафта.

– Вы в самом деле думаете, что течением выбросило? – спросила Вера осведомителя, а тот, поднимаясь с бревна, ответил:

– Это один из вариантов.

– А какой другой? – спросила она, и тип ухмыльнулся:

– А за мнение эксперта нужно платить.

Вере пришлось расстаться еще с некоторым количеством банкнот. Тип, покрутив головой, произнес:

– Если эту ногу и выбросило течением, то в воду она попала буквально вчера или позавчера. Потому как, пролежи она в воде дольше, была бы совершенно в ином состоянии.

Вера кивнула – нога выглядела как... *как будто ее не так давно оттяпали* у безымянного владельца, точнее, *владелицы*. Причем не оттяпали, а, вероятнее всего, профессионально отделили от тела при помощи электрической пилы: об этом свидетельствовал крайне аккуратный след.

– Или, что также вероятно, кто-то подложил эту ножку на пляж, отлично зная, что ее обнаружат. Потому что подложивший именно этого и добивается!

Вера снова кивнула. *Значит, так оно и есть!* Через два дня после Нового года на гранитных ступенях центральной набережной была обнаружена другая человеческая нога, также кем-то аккуратно отпиленная стопа (как сказал тогда эксперт, *при помощи электрической пилы*). Только стопа *была мужская и правая*.

А летом ниже по реке, в районе дач, ребяташки наткнулись на часть человеческого торса, женского, причем, как и обе эти ноги, в отличном состоянии – ни рыбы, ни раки их не обглодали. Как будто кто-то разместил их в людном месте, дабы на эту ужасную находку очень быстро наткнулись.

Прошлой же весной вниз по реке, около пристани была найдена человеческая локтевая кость – *опять мужская*.

О находках, конечно же, сообщалось, но, по негласному требованию мэра и губернатора, в скупых выражениях, без нагнетания паники. Да так, чтобы создавалось впечатление: речь идет о частях тел утопленников, погибших по собственной неосмотрительности. Или самоубийц. Или об останках, которые во время паводка вымыло со старого кладбища.

Тогда Веру эта тема непонятных останков не занимала. Однако она отлично помнила, с каким остервенением вцепился в эту тему Кудымов. Он даже наваял целое многостраничное расследование для своего бульварного листка, в котором трудился после того, как его со скандалом уволили с местного телевидения. *Однако его не опубликовали!*

Кудымов не мог поверить, что их главред решил обойти вниманием столь перспективную тему. Зудел что-то о том, что власти стараются спустить все на тормозах и намеренно замалчивают тот факт, что в городе и окрестностях уже несколько лет орудует жуткий маньяк. И что ему мешают обнародовать настоящую сенсацию.

Она внимания этим идиотским утверждениям не придавала, тем более что отношения с Кудымовым тогда были уже далеко не самые хорошие. А когда они наконец расстались, Вера словно прозрела. Ведь бывший прав: *требовалась сенсация!*

Только не ему, а *ей*. И Вера принялась систематизировать все данные, которые были ей доступны. Кое-что она позаимствовала из архива Кудымова, который остался у нее на квартире и который она ему не вернула, заявив, что выбросила, не читая, все на свалку.

Ничего она не выбросила.

– Но зачем? – спросила Вера, сделав последний снимок. – Зачем ему это надо?

Осведомитель усмехнулся и сказал:

– Это вы у него сами спросите. Но, по сути, дело беспроектное: находят не целое тело, а только части. Небольшие. Явно относящиеся к разным трупам. Жутко, конечно, но ведь повода для паники нет. Да и находят всего несколько раз в год. Находили бы каждую неделю или каждый месяц хотя бы, все бы давно на ушах стояли. А так... Так можно на несчастный случай списать. Или на паводок, который старое кладбище подмыл.

– Ну, эта нога явно не с кладбища! – заявила Вера.

– Может, и с кладбища, но не с того, с которого мы думаем, – сказал тип. – Ну мне пора! Потому что ногу отыскал один местный бомж да панику поднял. Менты уже сюда едут. А мне с ними встречаться не хочется.

Он удалился в сторону ржавых ворот, а Вера снова склонилась над ногой, стараясь сделать как можно более выигрышные снимки узора на ногтях, а также золотой цепочки с черепами, опоясывавшей щиколотку отрезанной стопы.

Она тогда полазила по Интернету и поняла, что если в их городе и действует маньяк, то маньяк явно *хитрый и очень осторожный*. Но не лишенный, как многие серийные убийцы, тщеславия. Поэтому-то он время от времени, не больше четырех раз в год, и подбрасывает части тел своих жертв на видные места. Причем так, чтобы все можно было принять за последствия ужасного несчастного случая или пусть жуткого, но все же одиночного преступления. Но никак не серийных убийств.

Только вот что он делает с телами?

Вопрос был несправедливый и наводивший на определенные размышления. Заслышав голос, Вера поднялась с песка. Она заметила группу служителей порядка, двигавшихся в ее сторону. Вера быстро спрятала камеру в карман пальто.

Так и есть, возглавлял всю эту шайку-лейку Олег Архипов, ее одноклассник и первая большая любовь. Та самая любовь, которой она дала от ворот поворот.

Подойдя, Олег, приземистый мужчина с коротким ежиком темных волос, произнес:

– Вера, какими судьбами?! Нормальные люди сейчас досматривают десятый сон.

– Мне хватило и пяти, – парировала Вера, обхватывая пальцами камеру, которую она прятала в кармане. Расставание с Архиповым было далеко не самое дружеское, но таковы были обстоятельства.

Подчиненные Олега, бросившиеся к ужасной находке, принялись перекидываться циничными шуточками. Вера поморщилась и обратила внимание, что Олег не спешил осматривать человеческую стопу, обнаруженную на пляже.

Поведение для следака, надо сказать, *более чем странное*. Хотя, не исключено, для него было важнее поговорить с ней, чем устремиться к оттяпанной, возможно, серийным убийцей человеческой стопе.

– Разве по долгу службы тебе не надо?.. – Вера указала на стопу. Олег, стоя к находке спиной, медленно произнес:

– Вера, я же предупреждал тебя во время нашей последней встречи. *Ведь так?*

– Ну допустим, – ответила журналистка. – Хотя я бы сказала даже, что *угрожал*.

Олег рассмеялся – смех у него был неприятный. Он буквально съедал ее глазами. Вера вдруг подумала: а что, если он до сих пор испытывает к ней чувства? Хотя и прошло без малого шестнадцать лет.

Только чувство это было больше не любовь, а... *Ненависть?*

Вера отогнала от себя подобную мысль. Олег, быть может, был далеко не самым приятным человеком, поэтому она тогда и отвергла его притязания, но никто в здравом уме не будет сохнуть по школьной любви в течение шестнадцати лет.

Никто в здравом уме...

– Ну что ты, Вера, как можно! Ты же знаешь, как хорошо я к тебе отношусь! И как я тебя ценю! О какой угрозе ты можешь вести речь? Нет, конечно же!

– Опять глубокая заморозка! – раздался голос одного из тех, кто осматривал женскую стопу. – И опять след от электрической пилы.

– Наверное, так легче ногу оттяпывать, если труп как ледышка! – заметил кто-то из полицейских, и со стороны воды послышался взрыв хохота.

Вера не смогла сдержать улыбки. *Так и есть!* О том, что все обнаруженные до сих пор разрозненные части человеческих тел, а их на данный момент было семь, а с учетом новой находки, стало быть, *восемь*, были подвергнуты глубокой заморозке, было упомянуто и в записях Кудымова, которые он оставил у нее на квартире и которыми она беззастенчиво воспользовалась.

– Значит, это дело его рук? – спросила Вера, дотронувшись до находившегося в другом кармане мобильного телефона. Как жаль, что *нельзя незаметно включить диктофон!*

– Чьих, Вера? – спросил Олег чрезвычайно серьезным тоном, и журналистка произнесла:

– Кажется, тебя зовут.

Архипов отвернулся: его в самом деле окликнул один из его людей. Вера быстро отвернулась, делая вид, что проверяет фотоаппарат, а на самом деле вынула мобильный и включила диктофон.

Ей требовалась сенсация, и она ее получит!

– А фотоаппарат я могу у тебя конфисковать, – услышала она голос Олега и быстро повернулась, успев спрятать мобильный с включенным диктофоном в карман куртки.

– Можешь, но это приведет к большому скандалу, это я тебе гарантирую. Тем более ничего, кроме частных фотографий, ты на нем не найдешь! – сказала Вера. Она нащупала рукой мобильный. – Так это он, *маньяк*?

Олег вздохнул и посмотрел на женщину.

– Что ты от меня хочешь? Никакого маньяка не существует в природе. Да, в очередной раз какая-то человеческая конечность, но и что с того? Город у нас большой, преступления мы раскрываем далеко не все.

– В особенности преступления серийного убийцы, которого официально и не существует! – проговорила Вера, явно провоцируя Олега на откровенность.

Архипов втянул голову в плечи и произнес странным тоном:

– Думаешь, мне это нравится? Я не о конечностях, которые то и дело всплывают то тут, то там. Такое может нравиться только настоящему психу. Я о негласном приказе со стороны нашего начальства, что версия о серийном убийце в городе и окрестностях изначально рассмотрению не подлежит. Все это разрозненные преступления и, вероятно даже, несчастные случаи! Нет никакого маньяка, нет!

Его голос сорвался на крик.

– И кто именно отдал этот негласный приказ? – спросила Вера, чуя нужную ей сенсацию. – Кто-то из твоих непосредственных начальников...

Олег, уже чуть успокоившись, ответил:

– Полковник Савенков. Говорят, что он вместе с мэром и губернатором это выдумал.

Полковник Савенков был начальником полиции их города. Вера еле сдержалась от того, чтобы не потереть радостно руки. Надо же, какая удача! И главное, что все слова Олега *были записаны на диктофон!* Так что никто не мог упрекнуть ее в том, что она что-то выдумала.

– Но ведь кто-то должен был это все сделать! – произнесла она доверительным тоном и кивнула на отрезанную стопу. – Только не говори, что она с лета в реке плавает. Тогда бы она выглядела *совсем по-другому!* Да и на старом кладбище частей человеческого тела *такой сохранности* быть не может! *Это наверняка маньяк!*

Олег вздохнул и ответил:

– Вера, зачем тебе все это? Не нужно вмешиваться в эту дрянную историю, не нужно...

Он был не прав – не просто нужно, а совершенно даже *необходимо!* Вера внутренне возликовала, когда услышала ответ Олега:

– Но если ты настаиваешь... Только дай честное слово, что это останется между нами. Потому что официально я ничего такого утверждать, конечно же, не могу.

– Конечно же, все останется между нами! – заявила Вера. О том, что у нее в кармане имеется включенный диктофон, Олегу знать совершенно не обязательно. – *Так это маньяк?*

Олег глубоко вздохнул:

– Все указывает на это. Я лично не сомневаюсь в том, что это серийный убийца, который действует в нашем городе и окрестностях. Причем убийца явно осторожный и себе на уме. Ибо...

Он запнулся, а Вера была на седьмом небе от счастья. У нее имелось признание одного из работников правоохранительных органов! Причем признание, записанное на диктофон! Ее конкуренты многое бы отдали, чтобы заполучить подобное, однако именно она завладела этой записью. *И эту запись хозяин «Городских вестей» просто не сможет проигнорировать!*

И какая разница, что информацию ей предоставил ее бывший одноклассник, некогда по уши в нее влюбленный. Причем сам об этом не подозревая. *У каждого свои источники.*

– Ибо это, как мне кажется, только вершина айсберга. На самом деле у нас в городе исчезают люди.

– *Исчезают люди?* – несколько удивленно переспросила Вера, а Олег утвердительно кивнул:

– Да, исчезают люди. Конечно, в каждом городе они исчезают, причем бесследно. И наш город не исключение – все-таки крупный областной центр, несколько престижных вузов, масса приезжих студентов. И эта бестия выбирает себе жертвы, похоже, именно среди них, приезжих студентов. За последние несколько лет исчезло не менее двадцати человек.

Вера вздрогнула и, не веря своим ушам, переспросила:

– Исчезло *двадцать* студентов? И власти утаивают эту информацию?

– Потому что если рассмотреть каждое исчезновение, то ничего вроде бы страшного и нет. И имеется даже более-менее логическое объяснение. Кто-то просто уехал обратно домой, но так туда и не доехал. Или, по слухам, опять же неподтвержденным, перевелся в другой вуз, в какой, правда, никто не в курсе. Или по семейным или личным обстоятельствам был вынужден покинуть город в неизвестном направлении. Или... Или же просто растворился в воздухе средь бела дня, и все тут.

– Люди просто так не растворяются, – заметила назидательно Вера, – если, конечно, их тела не опускают в соляную кислоту.

Шутка вышла так себе, а Олег сказал:

– Вот именно, не растворяются. *А эти растворились*. Причем никто с уверенностью сказать не может, принадлежат ли те части тел, которые время от времени находят в реке или около нее, этим исчезнувшим ребятам. Потому как разрабатывать версию о маньяке строго-настроено запрещено.

Кто-то из людей Олега подозвал к себе шефа, и тот на несколько минут отошел. Вера переваривала услышанное. *Вот это да!* Это не просто сенсация, а подлинный скандал, причем не выдуманный! *Ради такого ее конкуренты и на убийство пойдут!*

Она бросила беглый взгляд на отрезанную человеческую стопу. Метафора была *далеко не самая подходящая*.

Олег снова вернулся к ней и произнес:

– Тебе лучше здесь не задерживаться, потому что сейчас подъедет начальство. А ты, как ни крути, свидетель.

– Никакой я не свидетель, мне сказать нечего! – отрезала Вера. – И оказалась здесь за пару минут до тебя. *Абсолютно случайно!*

Олег качнул головой.

– Вера, настоятельно прошу тебя не ввязываться в эту историю. Потому что такое всегда чревато. А я не могу... не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось!

Вера снисходительно улыбнулась. А вот она могла. Потому что с ней обязательно что-то случится, она займет место первого заместителя главреда, а возможно, сразу и главреда «Городских вестей. *И тогда она всем этим непутевым представителям правоохранительных органов покажет!*

– Спасибо, что заботаешься обо мне, и я сейчас в самом деле покину ваше прелестное общество. Но я никак не могу поверить в то, что ты сказал. Значит, в нашем городе исчезают студенты? Они все приезжие?

Олег ответил, да так тихо, что Вера забеспокоилась – *а уловит ли диктофон его слова*.

– Да, они все приезжие. По большей части студенты-новички. Среди пропавших без вести нет ни одного местного жителя. Причем это как девушки, так и молодые люди. Понимаешь, что он действует крайне осмотрительно? Если бы исчез хотя бы один горожанин, и тем более несколько, то родственники тотчас забили бы в набат. А так... Конечно, родители иногородних студентов тоже поднимают бучу, однако некоторые из них живут на совершенно другом конце страны, им к нам приехать накладно или у них на это элементарно нет денег.

– В самом деле, крайне осмотрительно, – согласилась Вера. – И ты говоришь, что уже исчезло *двадцать* студентов? Уму непостижимо! И об этом ни одно из СМИ не сообщает?

– Я же сказал, что об этом власти позаботились. Им скандал не нужен. Тем более это отрицательно скажется на имидже нашего города, среди студентов, в особенности приезжих, возникнет паника. Да ведь еще и переназначение губернатора не за горами...

В самом деле, как она могла упустить это из виду?! Вера была потрясена – и ради этого власти замалчивали факт наличия в их городе серийного убийцы, на совести которого, не исключено, два десятка человек?

– И не стоит забывать, что нашли останки только восьми разных человек, и это в течение последних примерно двух лет. Не густо, так сказать. А останки как минимум двенадцати прочих исчезнувших найдены *вообще не были!* Так что причин для паники, собственно, нет. Как и нет серийного убийцы, охотящегося за студентами.

– Но ведь ты сам не сомневаешься, что он имеется? – продолжала гнуть свое Вера. – Мне важно твое личное мнение.

Архипов снова вздохнул и сказал:

– Да какая разница, что я думаю... Нам ведь не за то деньги платят, чтобы мы думали. Но если на то пошло... Конечно, все указывает на то, что это звенья одной цепи. И что у нас в городе уже несколько лет действует серийный убийца. Только покуда он не особо к себе привлекает внимание, никто факт его существования не признает. Да и губернатору хочется остаться в своем кресле, а если вдруг всплывает информация, что он ничего не предпринимает, дабы расследовать эти исчезновения...

Вера была крайне довольна полученной информацией – на подобные признания она, когда отправлялась сюда по наводке информатора, и рассчитывать не могла. И, что важнее всего, у нее имелось *записанное на диктофон* признание одного из работников правоохранительных органов. *Который ничуть не сомневался в существовании серийного убийцы.*

– Но ведь надо что-то делать! – сказала журналистка. – Потому что если сидеть сложа руки, то он будет и дальше убивать. И студенты будут и дальше исчезать. Такое бездействие *преступно!*

Олег демонстративно посмотрел на часы и произнес:

– Вера, тебе в самом деле пора. Может, когда-то факт существования маньяка и будет официально признан, но точно не раньше выборов губернатора. То есть до конца этого года ничего не изменится. А что касается исчезновения ребят... Да, ничего хорошего в этом нет, просто надо быть начеку. Думаешь, мне не хочется обезвредить этого мерзавца?

Последнюю фразу Олег произнес каким-то странным, *почти веселым* тоном. Вера удивленно посмотрела на него.

– Конечно, хочется! У многих из наших руки так и чешутся, однако никто не желает идти против начальства. Потому что в два счета уволят. А кому это нужно в наши времена? Тем более у каждого из нас имеется семья.

Семьи, насколько Вера была в курсе, у Олега не имелось. Кажется, только бывшая жена. Что он, что Вера были два сапога пара, одинокие волки, шедшие по жизни сами по себе.

– А что он делает с телами? – задала Вера вопрос, занимавший ее более всего.

Олег исподлобья посмотрел на нее и сказал:

– Все что угодно. Об этом вообще лучше не думать. Тем более не исключено, что на самом деле жертв куда больше. И что эти двадцать исчезнувших – только верхушка айсберга.

– Ты думаешь, что жертв *гораздо больше?* – спросила, дрожа от нетерпения, Вера, и Олег махнул рукой:

– Какая разница, что я думаю. Если поднять архивы...

В этот момент среди его подчиненных возникла паника, и Олег произнес:

– Вера, если не хочешь неприятностей, то уходи сейчас. Да и нам взбучка от начальства не нужна. Так что пока. И прошу тебя: пусть все, о чем мы сейчас неофициально говорили, останется сугубо между нами.

Вера усмехнулась и быстро произнесла:

– О, в этом можешь не сомневаться, Олежек.

И быстро зашагала к забору, отделявшему элитные дачи от старого пляжа. Там, оказавшись за кустами, она двинулась вверх и скоро очутилась около покосившегося забора. За ним Вера отыскала свой автомобиль и отъехала в сторону, так, чтобы ее нельзя было увидеть со стороны ворот.

Но так, чтобы *она могла следить за происходящим*.

Вскоре показалась кавалькада автомобилей, которые остановились возле входя на пляж. Вера заметила физиономию прокурора города, начальника местного Следственного комитета, а также главу полиции. Она быстро сделала несколько фотографий, сетуя на то, что качество будет далеко не самое лучшее. На руку было, что ее автомобиль, удачно припаркованный в небольшом близлежащем леске, никто не видел. А вот она отлично просматривала подходы к пляжу.

Вера прослушала запись разговора с Олегом, опасаясь, что некоторые из его высказываний не были различимы. Однако нет, все, что он сказал, было зафиксировано диктофоном, и это была редкостная удача!

Делать на месте обнаружения очередного трофея серийного убийцы было больше нечего. Вера осторожно развернулась в леске, выехала на грунтовую дорогу и двинулась по направлению к мосту. Ей предстояло хорошенько обмозговать ситуацию.

Вернувшись домой, она первым делом сварила душистый крепкий черный кофе и, усевшись на кухне, снова прослушала запись неофициальной беседы с Олегом.

Что же, Олежек, конечно, не подозревал, что она столь незамысловатым и в то же время циничным способом использовала его, однако в жизни каждый за себя. В особенности если речь шла о месте первого заместителя главреда «Городских вестей». А в обозримом будущем – и о месте главреда.

И им станет именно она, Вера Кудымова! Последние сомнения, подтачивавшие ее душу до недавнего времени, отпали после беседы с Олегом. *Вот она, долгожданная сенсация!*

Но это было только начало. Потому что идти к нынешнему главреду, этому конформисту, который к тому же безоговорочно поддерживал их вороватого непопулярного губернатора и его клику, было подлинным самоубийством. Материал он не напечатает, а только сообщит своим высокопоставленным друзьям о том, что *одна из его баб* под них копает. И она в два счета окажется без работы.

Нет, она пойдет другим путем. Материал у нее имелся, но его требовалось соответствующим образом обработать. Кроме того, нужны были еще кое-какие данные, сбором которых Вера и намеревалась заняться в ближайшие дни.

А потом... Потом она обратится не к главреду, который сдаст ее с потрохами и зарежет сенсационную статью, а к новому владельцу «Городских вестей», местному олигарху. Не зря же он не так давно, после покупки газеты, сказал им на импровизированном собрании, что наступают новые времена, и всячески поощрял их обращаться к нему напрямую, если им требовалась помощь и содействие.

И Вере они в самом деле требовались.

Однако идти к нему надо было не с пустыми руками, а уже с готовой статьей. Написать ее – плевое дело, но ведь это должно быть солидное журналистское разоблачение, а не фантазии в стиле ее благоверного, который вместе со своим бульварным изданием специализировался на выдуманных сенсациях.

Нет, ей требовался солидный материал, подкрепленный показаниями очевидцев, информацией из надежных источников, а также фотографиями.

И у нее уже кое-что имелось.

Вера снова включила запись беседы с Олегом и, попивая кофе, принялась разрабатывать план действий.

– Нет, определенно, не в нашем салоне делали, – сказала ухоженная дама, хозяйка салона красоты «Прелестница», одного из лучших в городе. Вера частенько наведывалась в этот салон, поэтому знала начальницу, причем очень даже неплохо.

Поэтому-то она и решила узнать у нее, не делали ли в их салоне для одной из клиенток подобный узор на ногтях ног, потому как узор в самом деле был необычный.

– Вы в этом уверены? – спросила Вера, а дама ответила:

– Не сомневаюсь! Мы же следим за модными тенденциями и веяниями. Однако сами понимаете, к нам в провинцию они доходят с некоторым опозданием. Конечно, у нас имеются клиентки, в особенности молодые, которые любят нечто эдакое. И мы всегда пытаемся угодить их вкусам. Но такого узора я не припомню, но могу поспрашивать у девочек.

Пока Вера попивала кофе с пирожными безе, дама «поспрашивала у девочек», то есть у работниц своего салона, и вынесла вердикт:

– Нет, никто из них ничего подробного не делал. А зачем вам это нужно?

Она не без любопытства уставилась на Веру, а та возрадовалась тому, что показала начальнице салона не фотографию узора ногтей человеческой стопы, найденной на пляже, а воспользовалась услугами одного местного художника, который за небольшую плату перерисовал узор на лист бумаги так, чтобы отрезанной конечности не было видно вообще. Ни к чему сеять панику среди простого населения – в этом Вера была солидарна с властями. По крайней мере, ни к чему именно сейчас.

– Журналистское расследование, – произнесла она, – более сообщить сейчас ничего не могу, но скоро вы об этом узнаете.

– Вы меня заинтриговали, – проговорила дама. – Но, как мне кажется, подобный узор я все-таки уже где-то видела...

Она обратилась к своему ноутбуку и принялась что-то выискивать в нем. Вера попивала кофе и наблюдала за ней. То, что узор уникальный, она убедилась еще раньше, когда попыталась отыскать нечто подобное в Интернете. Однако не нашла.

– Вот, смотрите, – сказала хозяйка салона, ставя ноутбук перед Верой. Та взглянула на экран. И в самом деле, похоже.

– Конечно, не точно такой же узор, как тот, который вам требуется... Однако что-то в этом есть.

Вера внимательно сравнила узоры. Да, определенно, какие-то детали были безусловно схожи.

– Это с выставки-ярмарки последних веяний в области искусства украшения ногтей, проходившей в Питере, – произнесла дама. – Я туда ездила, дайте подумать... Ах, ну да, это было в начала прошлого лета. Но до нас эти веяния пока что не докатились, у нас публика более консервативная.

– В начала лета, – протянула Вера. – А как вы думаете, кто-то из ваших, так сказать, конкурентов, например, из мелких салонов, тоже там был?

Дама снисходительно усмехнулась:

– Ну, может, и был, однако они нам не чета. Можете и у них поспрашивать, но уверяю вас, они ориентируются на нас. Законодатель моды у нас в городе – это мой салон!

Вера придерживалась такого же мнения. Что же, она, собственно, и не рассчитывала на то, что после показа причудливого узора, которым были украшены ногти очередной жертвы,

на нее обрушится поток информации. И что ей назовут имя клиентки, которая пожелала иметь подобный узор, а потом бесследно исчезла.

Олег был прав: маньяк выбирал себе в жертвы иногородних. Не исключено даже студентов, которые совсем недавно прибыли в их город, не успели еще обосноваться и ни с кем подружиться. В таком случае ведь даже и доказательств того, что они исчезли в их городе, не было: исчезновение могло произойти еще до приезда к ним, например, в пути или еще до отъезда из родного города.

Да, убийца был явно осторожный и совершенно не глупый. Это только в тупых зарубежных фильмах или сериалах маньяки были сумасшедшими типами, гонявшимися за жертвами по прериям с бензопилой.

Тот, который бесчинствовал у них в городе, был личностью неординарной. И, несмотря на свои «подарки», явно не желал привлекать к себе повышенное внимание.

– Значит, подобные узоры сейчас в тренде, но в Питере и Москве, насколько я могу предположить? – спросила она, и хозяйка салона «Прелестница» подтвердила:

– Да, это так. Мы пока что нашим клиенткам подобного не предлагаем, да и вкусы в провинции, вы сами понимаете, отличаются от столичных. И заработки тоже. Ведь это настоящее произведение искусства, небольшой шедевр!

Она пустилась в рассуждения профессионального характера, а Вера, допивая кофе, взяла себе на заметку: так и есть, жертва была *приезжей*. И прибыла к ним в город или из Москвы, или из Питера. Что отнюдь не сужало радиус поиска. Однако лишний раз подтверждало: жертва – студентка. И, вероятно, студентка, которая исчезла в самом начале учебного года или, не исключено, вообще даже не доехала до места назначения.

И это открывало некоторые перспективы. Потому что в массе своей провинциалы стремились в столицу, дабы учиться в тамошних вузах. Однако, например, Медакадемия в их городе входила в десятку лучших медицинских вузов в стране, так что у них, и Вера это уже успела выяснить, вполне имелись студенты, которые прибыли к ним в город из Москвы и Питера. Немного, конечно, так как основная часть была все же из их города или сопредельных областей, но это только облегчало поиски.

Значит, ей требовалась студентка с изысканным вкусом и ногтями с редким узором, которая должна была начать учиться в их городе, возможно, даже и начала, а потом вдруг *пропала*...

– Гм, и почему вам это так важно знать? – Владелец ювелирного магазина, невысокий человечек с лысиной и пышными, подозрительно темными усами, поднял на Веру выпуклые водянистые глаза.

– Журналистское расследование, – ответила она с очаровательной улыбкой. – Детали я вам, увы, сообщить не могу, но мне требуется мнение профессионала.

Ювелир, пожевав губами, сказал:

– Мне шумиха не нужна.

– Поэтому ваше имя нигде называться не будет! – заверила его журналистка. – Мне просто интересно ваше экспертное мнение. Что вы думаете об этом украшении?

На этот раз она презентовала увеличенную фотографию золотой цепочки с брелочками, которая украшала ступню жертвы. Саму ступню Вера, конечно же, при помощи фотошопа удалила, увеличив, насколько это было возможно, саму драгоценность.

– Делать какие-то далеко идущие выводы по фотографии, конечно же, нелегко, – вздохнул ювелир, и Вера успокоила его, заявив, что с нее хватит *и не далеко идущих*.

– И это что, ворованное? – обеспокоенно спросил ювелир. – Или, хуже того, было на жертве какого-то преступления? Я к скупке краденого отношения, уверяю вас, не имею...

Вера знала, что имел, поэтому и выбрала именно этого ювелира. К тому же он, несмотря на свои шахеры-махеры, был подлинным кладезем информации и обладал феноменальной памятью.

– Нет, все, о чем мы говорим, останется между нами, – сказала Вера, не намереваясь в этот раз нарушать данное слово. Ювелир ей потребуется и в будущем, в этом она не сомневалась, а у него имелись выходы на криминальную среду, хотя он был владельцем уважаемого, известного в их городе салона «Пещера сокровищ».

– Но, быть может, вы уже видели его где-то? Или нечто подобное в этом стиле. Например, парный браслет... Или кольцо...

Ювелир положил фотографию на прилавок и произнес:

– Украшение занятное, спору нет, к тому же явно сделанное на заказ. Думаю, золото, а крошечные черепа, которые выступают в виде брелоков, украшены натуральными камнями. Хотя опять же по фотографии я стопроцентно утверждать этого не могу. Причем черепа-то не одинаковые, а разные! Отличная работа! Но сдаётся мне, что брелоки не сразу все присутствовали, а постепенно доведывались на цепочку. Такое нередко встречается. И делались опять же по заказу.

– Не в нашем городе? – спросила Вера, и ювелир качнул головой:

– Нет, не в нашем. Думается, в столице, хотя утверждать точно не могу.

Более из осторожного золотых дел мастера выжать не представлялось возможным.

Покинув ювелирный магазин, Вера немного прошлась по центру города. Стояла солнечная теплая мартовская погода. Все складывалось как нельзя лучше.

Усевшись в кафе, она принялась систематизировать информацию. Итак, украшение тоже было изготовлено не в их городе, что только подтверждает изначальную версию: жертва была приезжей.

О том, что на пляже около бывшей турбазы металлургического завода была обнаружена человеческая ступня, ни в одной из газет информации опубликовано не было. Даже бульварная газетенка, в которой в данный момент, после очередного увольнения, трудился Кудымов, ничего об этом не написала.

Но это не отменяло множества не идентифицированных до сих пор жертв. Вера помешала ложечкой принесенный кофе и вытащила смартфон. В нем находилась самая важная на данный момент улика – запись ее беседы с Олегом Архиповым. Если она ее опубликует или сошлется на Олега, то у него наверняка возникнут неприятности на работе. Не исключено, что его понизят в должности или вообще уволят.

Вера усмехнулась. Что же, *лес рубят – щепки летят*. Нет, она не имела ничего против Архипова, ей даже льстило, что он был так в нее влюблен. И, не исключено, все еще любил ее до сих пор, несмотря на то что прошло больше полутора десятков лет.

Во всей его любви тогда было что-то... *патологическое*. Нет, он не преследовал ее, однако... Однако она не могла отделаться тогда от ощущения, что она была у него «под колпаком». И еще это странное исчезновение ее нижнего белья прямо у нее из комнаты...

Она уже в то время подозревала, что Олег каким-то непостижимым образом получил доступ к квартире ее родителей и тайно проникал туда. Доказать она ничего не могла, однако исчезновение ее трусиков и бюстгалтера говорило само за себя.

И еще она была уверена, что он ложился в ее кровать и накрывался ее одеялом. Она тогда нашла на подушке светлый волос – точно такого же оттенка, как волосы Олега. А до этого кто-то каждый день совал ей в ящик розы и плюшевые игрушки.

Она тогда устроила ему в школе скандал, Олег даже не отрицал все, а просто молчал и вид у него при этом был... *Жалкий?* Нет, не только жалкий, а какой-то... *Какой-то зловецкий*.

Он так ни в чем и не признался, однако после этой бурной сцены заболел, и надолго. И до выпускного так и не вернулся в класс. Шептались, что у него что-то с психикой, что он попал в закрытую лечебницу, однако официальная версия была – менингит. Потом их пути разошлись, но время от времени Вера думала об этом своем поклоннике. Ибо...

Ибо они сменили тогда в квартире все замки. А через некоторое время переехали на новую. И все равно ей казалось, что иногда и туда кто-то без их ведома проникает. Нет, вещи у нее больше не исчезали, но... Порой создавалось впечатление, что кто-то рылся в ее нижнем белье. Или примерял ее одежду.

Олег тогда находился на бессрочном больничном, вряд ли он мог быть этим «кем-то». Или, вероятно, она просто накручивала ситуацию, и ничего такого не было.

Или все же было?

В любом случае она удивилась, услышав, что Олег Архипов начал работать в полиции. Потому что туда явно бы не взяли человека, который сидел в психушке, тем более в закрытом отделении. Значит, все это были идиотские слухи и не исключено, она напрасно подозревала его в столь неприятных и явно нездоровых поступках.

Или все-таки не зря?

Внезапно Вера подумала, что маньяку до сих пор удавалось избежать не просто разоблачения, но и огласки собственных деяний по той простой причине, что он сам работал в одном из силовых органов.

А что, если сам Олег...

Она тотчас отогнала эту кошмарную мысль. Тот факт, что он, с большой долей вероятности, все же проникал тогда к ней в квартиру, чтобы украсть ее нижнее белье, вовсе не означал, что Архипов был серийным убийцей.

Тут Вера вспомнила жизнеописание одного из американских, кажется, маньяков, который начинал с того, что проникал в квартиры к соседским женщинам, прятался в шкафу, наблюдал за ними, тырил у них личные вещи, а потом со временем, далеко не сразу, спустя несколько лет, перешел к более активным действиям. *И начал убивать...*

– Вам еще что-нибудь принести? – услышала Вера голос официантки и попросила счет.

Расплатившись, она вышла на улицу, прошла мимо здания Драматического театра, вышла на набережную. Было достаточно ветрено, однако чувствовалось, что весна вступает в свои права.

Да, начал убивать, но тот маньяк прикончил одну из соседок, ту самую, за которой тайно шпионил. И если бы полиция тогда обратила внимание на это тщедушное существо, то не было бы множества прочих жертв, которые последовали в течение следующих лет.

Но ведь она-то была жива! Вера усмехнулась и подставила лицо солнцу. Да, она была жива и умирать вовсе не собиралась. Пора забыть об обвинениях в адрес Олега. Наверное, у него было не все в порядке с головой, раз он тогда крал ее трусики и черт знает что с ними делал, но какое это отношение имеет к серийному убийце в их городе? Ведь не каждый мелкий психопат, даже работающий в органах, превращался в маньяка.

Вероятно, тот, что орудовал у них в городе, когда-то начинал с чего-то мелкого, постыдного, смешного. Может, криминального, но скорее всего, просто отвратительного. Вера вспомнила, что Олег в конце их беседы сказал что-то о том, что *надо поднять архивы*.

Ее как током ударило. Ну конечно, вряд ли маньяк объявился только сейчас! Хотя любой серийный убийца начинает когда-то убивать... А что, если этот сумасшедший действовал и раньше, но только...

Но только несколько иначе? Еще не убивая жертв, но все равно как-то обращая на себя внимание правоохранительных органов.

Вера спустилась по величественной лестнице прямо к воде. Как хорошо, что она оказалась сегодня на работе больной. Иначе бы торчала в крошечном своем кабинетике и кропала всякий бред, который требовал от них главред.

Версия была перспективная. Если поднять архивы, попытаться напасть на след человека... Человека с отклонениями. Возможно, сначала не внушающими особого трепета, но уже симптоматичными.

С такими, например, как у Олега... *А что, если все-таки он имеет отношение...*

Вера снова одернула себя. Нет, нет и нет! Этого не может быть.

Или все-таки может?

– Рада вас видеть, Вера, – сказала, протягивая ей руку, элегантная дама, Тамара Федоровна Филина, глава известного в городе благотворительного фонда «Твори добро!».

Вера попыталась сообразить, сколько же ей должно быть лет. Если ее сыну, местному олигарху, было за сорок... То ей должно быть по крайней мере под шестьдесят. Ребенка она в таком случае родила в восемнадцать или девятнадцать.

Но выглядела она лет на десять, если не на все пятнадцать, моложе.

– Отлично выглядите, – ничуть не лукавя, произнесла Вера. – Я тоже рада вас видеть, Тамара Федоровна.

Тамара Федоровна когда-то преподавала у нее в школе географию, а также биологию и химию и была, без преувеличения, учителем от бога.

– Я внимательно слежу за карьерой моих учеников, – сказала Тамара Федоровна с улыбкой. – Конечно, не всех, а наиболее выдающихся. И вы относитесь к таковым, Вера!

Ощувив себя снова ученицей девятого класса, Вера пробормотала:

– Спасибо.

Они находились в расположенном на проспекте Суворова центральном офисе самого влиятельного местного олигарха, который являлся единственным и, судя по всему, горячо любимым сыном Тамары Федоровны. А по совместительству и новым владельцем убыточных «Городских вестей». Его мать, с тщательно убранными волосами, с крошечными звездочками бриллиантов в ушах, облаченная в неброский, но явно дорогой дизайнерский костюм, разительно отличалась от жен, любовниц и мамаш прочих «королей жизни», вершивших дела в их областном центре. Тамара Федоровна не выставляла богатство сына напоказ и не кичилась им, а по праву *гордилась*.

И тут было чем гордиться: ее сын, Вениамин, владел половиной города и являлся объектом страсти многих девиц на выданье, потому как был хорош собой, богат и холост.

– Да, да, милая моя, вам совершенно нечего стесняться! – произнесла Тамара Федоровна. – Потому что человек, и это я говорю вам как поклонница естественных наук, не только сумма своих генов, но и результат кропотливой работы над своим характером. Вас я сразу взяла на заметку и поняла, что вы далеко пойдете.

Вера покраснела, а ее бывшая учительница лукаво добавила:

– Но в данный момент вы пришли на прием к моему сыну. И правильно сделали, что до этого обратились ко мне. Потому что Вениамин так занят, он только что вернулся из Москвы. Однако для вас он *всегда* найдет время!

Вера взглянула на женщину, а та рассмеялась:

– Вы думаете, что я одна из этих ужасных мамаш, которые не отцепляются от своих чад, даже когда тем за сорок? Отнюдь. Я горжусь Вениамином, тем, что вырастила его таким, что смогла, как это банально ни звучит, дать ему путевку в жизнь. Однако своего статуса и влияния он достиг в итоге сам. Разве могла бы дать ему это я, простая советская школьная учительница?

Тамара Федоровна была права – *не могла*. И Вера не сомневалась, что матерью она была отличной, не из разряда мамаш-клещей, а скорее была старшей сестрой и наставницей своему энергичному сыну, впрочем, тактично державшейся в тени.

– Вениамин всего добился исключительно сам. Я же, и этого я не скрываю, получаю удовольствие, возглавляя благотворительный фонд, который основал мой сын. Я была бы не против и попробовать себя в роли бабушки, но мой сын с головой ушел в работу. Впрочем, не все еще потеряно.

Она с проницательной улыбкой посмотрела на Веру, а та смутилась. Что же, она сделала правильно, что сначала обратилась в благотворительный фонд, главой которого была Тамара Федоровна, и попросила оказать содействие для встречи с ее могущественным сыном.

– А ведь он вас помнит, – добавила женщина, – вы ведь уже тогда были на редкость красивой и самоуверенной девочкой! Вы произвели на моего Вениамина неизгладимое впечатление!

Вера задумалась: местный олигарх Вениамин Филин был почти на десять лет старше ее – это сейчас подобные вещи не играют никакой роли, в школьную же пору это непреодолимое препятствие! В частности, он учился в том же заведении, в котором училась и она сама, и Вера смутно помнила статного молодого человека, который во время последнего звонка нес ее на плече, пока она трезвонила в большой бронзовый колокольчик, но только позднее она сообразила, что это и был Вениамин Филин, будущий мультимиллионер и олигарх местного разлива. Впрочем, таковым он стал много лет спустя, а тогда он являлся самым умным и красивым старшеклассником в их школе, в которого были влюблены все девчонки, даже из младших классов.

И, кажется, даже и она сама немного тоже.

– А вот, собственно, и он сам, – провозгласила Тамара Федоровна. Вера повернулась и заметила статного спортивного мужчину с короткими светлыми волосами и гладким розовым лицом – это и был Вениамин Филин. Облачен олигарх был в потрепанные джинсы, красную футболку с каким-то смешным принтом, легкий пиджак и оранжевые кроссовки. Стандартный деловой прикид – костюм с галстуком – был явно не в его вкусе.

– Привет, – произнес он, пожимая руку Вере, а затем мимолетно целуя свою маму в щеку. – Вы ведь и есть та самая подающая надежды журналистка, о которой мне матушка все уши прожужжала?

Вера покраснела, а Тамара Федоровна, взглянув на ручные часики, тактично заметила:

– Мне пора, потому что через двадцать минут заседание попечительского совета. Желаю вам хорошего дня!

Она вышла из офиса. От Веры не ускользнуло, с каким обожанием сразу две сотрудницы, молодая и пожилая, взирают на своего подтянутого симпатичного шефа.

– Прошу вас! – проговорил Филин, указывая на дверь своего кабинета. Вера проследовала туда, ожидая увидеть обычный офис с огромным письменным столом, псевдорусским китчем на стенах и непременно портретами сильных мира сего.

Однако в кабинете, который больше походил на комнату тинейджера, царил подлинный кавардак, имелась огромная красная софа, частично заваленная бумагами, и также отчего-то пять гигантских плазменных экранов на стенах, зато никакого стола не было, как, впрочем, и псевдорусского китча с портретами сильных мира сего. Зато в углу висела баскетбольная корзина, а к одному экрану была подключена наикрутейшая игровая приставка.

Заметив, как смутился Филин, быстро выключивший экран (на котором замерла фигура монстра, уничтожаемого бравым бойцом), Вера произнесла:

– А у вас тут... *необычно!*

Вениамин, сдвинув стопки бумаг в сторону, разгреб место на софе и произнес:

– Я тоже так считаю. А вот матушка корит себя за то, что не привила мне в свое время любовь к порядку.

Вера подумала, что быть сыном столь педантичной особы, как Тамара Федоровна, было наверняка нелегко и что стремление Вениамина к тому, чтобы наверстать упущенное в юности, вполне понятно. Как и его желание несколько эпатировать своим стилем и манерой поведения.

– Кстати, быть может, откажемся от этого официального «вы»? – произнес он, бухаясь на софу. – Я – Вениамин, а ты – Вера. Кстати, ты ведь та самая маленькая кокетка, которую я тогда таскал на плече во время последнего звонка.

Вера замерла посреди кабинета, не зная, как себя вести. Все же свою аудиенцию у одного из самых могущественных людей в городе и уж точно *самого богатого* она представляла себе несколько иначе.

Совершенно иначе.

Самое интересное, что, кроме гигантской красной софы, в кабинете не было ни единого стула или кресла. Вера задумалась над тем, куда же приземляются в итоге посетители. *Неужели на не самый чистый паркетный пол?*

– Садись куда хочешь, – произнес Филин и указал на софу. Вера убедилась в том, что, несмотря на умопомрачительные размеры сего предмета мебели, усесться можно было только в непосредственной близости от олигарха, который, удобно подогнув под себя ноги, внимательно рассматривал гостью.

Вдруг Вера подумала, что Филин пытается играть какую-то роль, точнее, прикладывает большие усилия, чтобы соответствовать определенному образу. Но был ли он и в самом деле бунтарем и фрондером – или все атрибуты, указывавшие на это, не более чем *театральная декорация?*

– Уборщице тут, думается, придется нелегко, – произнесла Вера, присаживаясь на край софы.

Филин усмехнулся:

– О, в святая святых никакая уборщица не допускается! Это только кажется, что здесь свинарник, на самом деле это моя штаб-квартира! Там имеется еще пара помещений, в которые никому нет доступа, даже моей матушке.

Он указал рукой на дверь в противоположном углу, которую Вера, входя в кабинет, не заметила.

– Итак, ты хочешь стать новым главным редактором «Городских вестей»? – произнес Вениамин.

Вера вздрогнула – такого прямого вопроса она не ожидала. Однако эта манера поведения соответствовала Филину, который явно любил ошарашить.

– Да, – кивнула она и посмотрела ему в глаза. Более Вера ничего не сказала, решив, что это лучшая в данной ситуации тактика.

Олигарх, закинув голову, заразительно рассмеялся.

– Такие мне нравятся! Потому что все эти ваши мужики, которые спят и видят, чтобы сжить со свету нынешнего главреда, человека в самом деле никчемного и глупого, прямо ничего такого не говорят, зато делают массу намеков, расхваливая себя. Ну и попутно изо всех сил топя тебя.

Вера усмехнулась – она могла себе представить, *что именно* наплели эти типы Филину.

– И я даже думаю, что большая часть того, что они про тебя мне поведали, соответствует действительности. – Филин вскочил с софы, подошел к небольшому шкафчику, оказавшемуся баром, и вынул оттуда бутылку.

– Гранатовый сок будешь? Я алкоголь терпеть не могу.

Вера кивнула, дождалась, когда олигарх вручит ей бокал с кроваво-красной жидкостью, и произнесла:

– И что же они такого обо мне рассказали?

– *Разное*, – ответил Филин. – Причем они были уверены, что, вываливая всяческие нелцеприятные факты, они тебя дискредитируют. Как бы не так! Чем больше я их слушал, тем больше убеждался в том, что ты – тот человек, который мне нужен! И что именно ты станешь новым главредом «Городских вестей»!

Вера отхлебнула сока, чувствуя, что у нее от радости закружилась голова. Надо же, как все оказалось просто! А потом вдруг уставилась на Филина.

И что он потребует в качестве платы за свое мудрое решение? Внезапно ее взгляд упал на какую-то скомканную вещицу, высывавшуюся из-под софы. Это были *кружевные женские трусики*.

Вера отвела взгляд – нет, ханжой она не была, однако если Филин пригласил ее для того, чтобы провозгласить свой вердикт, а потом заняться с ней сексом прямо здесь, на своей красной софе, то он ошибся.

Становиться главредом, только побывав с ним в постели, Вера не собиралась. *Ну или на красной софе*.

– Ну и выдержка у тебя! – восхитился Вениамин. – Прямо как у моей матушки! Однако ты, я вижу, не особо в восторге?

– Отчего же, иного решения я, собственно, и не ожидала, – промолвила Вера. – Однако, как я полагаю, мое назначение будет связано с рядом условий?

Олигарх залпом осушил свой бокал с гранатовым соком, поставил его на стопку бумаг и произнес:

– С рядом условий? Нет, условие будет только *одно*.

Вера закрыла глаза. Так и есть. Сейчас предложит ей стать его любовницей. Не то чтобы она была до такой степени недотрогой – просто ей хотелось утереть нос всем этим мужикам, не считающим ее способной стать во главе газеты, и задействовать для этого свой профессионализм, а не иные, *постельные* качества.

– Мне нужна полная смена курса! – заявил Филин. – Потому что то, что предлагают своим читателям «Городские вести», это даже не вчерашний, а позавчерашний день журналистики. Мне нужен драйв! Мне нужен экшен. Мне нужны сенсации!

Выждав и вдруг осознав, что никакого иного условия, кроме высказанного Филиным, не последует, Вера сказала:

– Сенсация имеется. Вот, посмотрите. Точнее, вот, *посмотри*. У меня есть набросок статьи...

Она вынула из сумки то, над чем корпела всю предыдущую ночь, и протянула Вениамину.

Тот взял папку, раскрыл ее и прогрузился в чтение. Вера, наблюдавшая за ним, заметила, как глубокая морщина прорезала лоб олигарха. Он тяжело задышал. *Неужели не понравилось?*

Читал он долго, никак не комментируя материал. И ни разу не подняв глаза на Веру. Наконец, закончив чтение, он аккуратно закрыл папку и вернул ее женщине. Лицо его было напряжено, даже угрюмо. Вера поняла: о назначении главредом можно забыть.

– Так плохо? – произнесла она, стараясь, чтобы ее тон звучал как можно более нейтрально. Не исключено, что статью о серийном убийце у них в городе можно сократить, поправить, изменить. Полностью переписать, в конце концов.

Или вообще не напечатать.

– Это... это очень *интересно!* – произнес Вениамин, поднялся, вынул из-за софы баскетбольный мяч и, даже не смотря в сторону корзины в углу, ловким движением швырнул его туда.

Мяч попал прямо в цель. Так Филин проделал несколько раз, и каждый раз мяч оказывался в корзине. Однако вдруг он промазал, и мяч угодил в стопку бумаг, которые с шелестом рассыпались по полу.

– Это очень интересно, – повторил он, повернулся к Вере, и она вдруг заметила, что перед ней стоит испуганный мужчина. Но, собственно, *почему?*

Раздался звонок мобильного – Филин, даже не извиняясь, вынул его из кармана джинсов, принял звонок и произнес:

– Сейчас не могу, занят. Я тебе сам перезвоню.

Завершив короткий разговор, он обернулся – и Вера заметила, что его лицо приняло обычное благодушно-приветливое выражение. От испуга не осталось и следа.

– Вам не понравилось? Я хотела сказать, *тебе*, – произнесла Вера, не желая сдаваться. – У меня имеются неопровержимые доказательства.

О том, что в статье она использовала по большей части факты, собранные ее бывшим мужем, Вера благоразумно умолчала. Знать об этом олигарху было вовсе не обязательно.

– Доказательства... Что вообще такое *доказательства*? – произнес странным тоном Филин. – То они есть, то их нет. Так же, как и свидетели. Они могут просто *исчезнуть*.

Он подхватил лежавший около его ног мяч, кинул его в корзину – и снова промазал.

– Если не везет, то капитально, – вздохнул он. – А что касается статьи, то она классная. Именно такое мне и нужно. В печать. Без сомнения!

Вера не могла поверить своим ушам: *он одобрил ее статью*? Ну, пусть и не совсем ее, а по большей части украденную у Кудымова, но какая, собственно, разница.

– Причем я думаю, это должно стать началом целой кампании по разоблачению этого... Этого психа!

Филин прошелся по кабинету и взгромоздился на подоконник.

– Да, именно так! Однако одна ласточка весны не сделает, а одна статья, пусть и талантливо написанная, как та, что ты мне принесла, тоже не изменит общественного мнения. А именно к этому я и стремлюсь! Ведь то, что у нас в городе орудует маньяк, причем уже давно, шепчутся не только по кухням. Но и в коридорах городской думы, и в кабинетах областной администрации. Но официально никакого маньяка нет! А он есть! *Понимаешь, есть!*

Он соскочил с подоконника и в непонятном нервном возбуждении прошелся по кабинету.

– Открою тебе секреты местной политики – по негласному соглашению ни одно из СМИ не пропускает информацию о серийном убийце. Да, когда все эти конечности находят, об этом, быть может, и сообщают, но всего одной строчкой на последних страницах. По местному телевидению вообще ничего не говорят. Это личное распоряжение нашего губернатора, он не хочет будоражить людей, а также Москву. Потому что справедливо опасается, что если эта история будет раскручиваться, то его шансы удержаться в кресле резко уменьшатся. Он и так входит в десятку самых неэффективных руководителей регионов РФ.

Ага, вот, оказывается, *в чем дело!*

– И я, конечно, все это время играл по этим правилам. Но теперь, прочитав твою статью, я понял, что надо менять подход к этой проблеме. Поэтому «Городские вести» станут первой газетой, которая открыто поведает о наличии в нашем городе серийного убийцы!

Он поднял мяч и запустил в корзину – на этот раз бросок оказался удачным.

– Ага, любая черная полоса рано или поздно заканчивается. Как, впрочем, *и белая*. Ну что, ты готова устроить в нашем милом городке небольшую журналистскую революцию?

Вера произнесла:

– Но властям это не понравится. Вы... То есть я хотела сказать, ты прекрасно знаешь, что за этим последует. Нас могут и закрыть. И еще в суде за клевету отвечать будем.

– И кто на нас в суд за клевету подаст? – засмеялся Филин. – *Неужели сам маньяк?* Ведь в твоей статье хоть и есть намек на бездействие властей, никто конкретно не обвиняется. И никаких имен не называть – это мое обязательное условие, Вера. Ни губернатор, ни мэр под огонь не попадают. А то, что мы наконец обнародуем и так будоражащие город слухи, причем подкрепим это фотографиями, а также ссылкой на интервью с этим твоим нерадивым

служителем порядка, клеветой не является. Твой мент, конечно, может встать на дыбы, но это без разницы.

Вера заметила:

– Ну, мне не хотелось бы втягивать Олега в эту историю. Источник должен остаться анонимным.

– *Нет!* – жестко заявил олигарх. – В данном случае *никакой анонимности!* Ссылка на него необходима. Так мы отведем от себя удар. Все накинутся на него, а мы сможем продолжить публиковать материалы расследования. Запись беседы с этим Олегом А. у тебя имеется?

Вера вздохнула. Делать было нечего. Но Вениамин был прав – так они себя обезопасят.

– Отлично, – провозгласил Филин после того, как она прокрутила ему запись разговора с Олегом на берегу реки. – Просто восхитительно! Мы устроим бучу и сразу станем информационным лидером! И вся слава достанется тебе, Вера!

Она сказала:

– Но если ты вел речь о том, что это станет первой статьей... То, значит, *будет и вторая?*

– И третья, и четвертая. И наверняка пятая! – отрезал он. – Ну конечно, потому что надо ковать деньги, не отходя от кассы.

– А откуда мы возьмем информацию? – поинтересовалась Вера. – Местная власть на нас ополчится, никто со мной беседовать больше не пожелает, даже неофициально.

Вениамин Филин усмехнулся:

– О, неужели ты не понимаешь? После скандала, вызванного нашей публикацией, он сам наверняка объявится! Мы подстегнем события. И сделаемся эксклюзивными хроникерами его деяний!

– Кто он? – протянула Вера, чувствуя, что у нее по телу пошли мурашки. А Филин, подняв мяч и снова забросив его в корзину, беспечно ответил:

– *Наш серийный убийца.* Кстати, ты со мной отужинаешь?

– Ты ужасная женщина, Верка, просто реально кошмарная! Готова ради собственной карьеры идти по головам! Да что там по головам, по *трунам!* И как я могу любить такую, как ты! Ты испоганила всю мою жизнь.

Вера вздохнула и в который раз пожалела, что открыла дверь, не спросив в домофон, кто же позвонил ей в квартиру. Но ведь она ожидала вовсе не своего бывшего мужа, всклоченного, с выпученными глазами и с пеной у рта, а стильного красавца Вениамина Филина, который должен был заехать за ней, дабы они отправились в «Милль пардон», самый крутой ресторан их города.

– Ну, ты мою, надо сказать, тоже не особо улучшил, Кудымов! – бросила она, смотрясь в зеркало. Красное вечернее платье, которое она не надевала сто лет, было ей поразительно к лицу.

Да и вообще чувствовала себя Вера после событий последних дней великолепно. Сначала она официально заняла место главреда «Городских вестей», причем об этом изумленным коллегам сообщил специально прибывший к ним в редакцию Вениамин. Потом два ее главных врага, которые сами метили в это кресло, оказались не удел и были вынуждены покинуть газету «по собственному желанию». Третий, немедля переметнувшись на ее сторону, пел Вере дифирамбы, однако она была начеку и не доверяла этому перебежчику. Но ей требовался помощник для претворения в жизнь новой редакционной политики, и в качестве одного Вера избрала именно этого типа. С расчетом на то, что, когда он сделает всю черную работу, она от него избавится.

И плевать ей было на то, что все уверились: *она – пассия Филина.* Да, Вениамин приглашал ее почти каждый день в ресторан, однако дальше этого не шло. Он не пытался соблазнить ее, не приглашал к себе в загородный особняк или в свой кабинет, где их ждала *красная софа.*

Он был интересным собеседником, обладал недюжинной эрудицией и отменным чувством юмора.

– Ты продалась этому прощельге, Верка! – завопил бывший муж, точнее, муж еще более чем *настоящий*. – Учти, я развода тебе не дам! Если ты думаешь, что выскочишь за этого мерзавца, оставив меня на бобах, то ошибаешься!

– Не давай, Кудымов, – холодно возразила Вера, поправляя перед зеркалом лиф платья. – Нас и без твоего согласия разведут.

Муж бухнулся на табурет и театрально заплакал. Вера тяжело вздохнула и произнесла:

– Вот давай без этих мелодраматичных сцен. У тебя своя жизнь, у меня своя.

– А ты высоко взлетела, Верка! – заявил сварливо муж, поднимая на нее бородатое лицо, на котором не было заметно ни единой слезинки. Значит, *опять притворялся*. – Ты у нас теперь журналистский светоч номер один. К тому же главред! Верка Ужасная и Великая!

Вера хмыкнула и взглянула на часы – Вениамин запаздывал, хотя был помешан на пунктуальности. Ни звонка, на сообщения по вотсапу от него пока что не пришло. *Осведомиться самой?* Пожалуй, нет.

– Но кто высоко взлетает, тот больше всего падает! – вдруг провозгласил супруг, и Вера уставилась на него.

– Это ты к чему, Кудымов?

– А к тому, Верка, что ты украла мои материалы! Сказала, что случайно их выбросила, хотя я был стопроцентно уверен, что они остались в твоей халупе, и беззастенчиво использовала для своей статьи о маньяке! Это моя интеллектуальная собственность. И я буду с тобой судиться!

– Судись, – чувствуя внезапно всколыхнувшееся раздражение, заявила Вера. – Только для начала хотя бы разведись со мной, Кудымов. И вообще, кто сказал, что это я что-то у тебя украла, как ты выражаешься? Может, это я материал по крупнякам собрала, *и ты у меня его умъкнул?*

Вера знала, как вывести супруга из себя. Но ссора и выяснение отношений на повышенных тонах в ее планы не входили. Единственное, что ей хотелось, – это чтобы Кудымов убрался подобру-поздорову из ее квартиры. И как можно быстрее.

Но где же Вениамин?

– Ты ужасный человек, Верка! – брякнул муж, на что женщина ответила:

– Ты повторяешься, Кудымов. Тебе пора. Наверняка тебя ждет твоя молодая цыпа.

Супруг подскочил с табуретки, подошел к ней и прошипел:

– Напрасно празднуешь победу, моя дорогая! Да, этот раунд выиграла ты, но ведь информации для продолжения твоего смехотворного расследования у тебя элементарно нет! А у меня есть! Потому что я еще с позапрошлого года собираю материал по маньяку. И теперь, когда вы сами открыли ящик Пандоры, прочие газеты города тоже будут писать на эту тему. *И моя в том числе!* Я готовлю сенсационный материал, сенсационный! Не чета вашему.

– Бог в помощь, – ответила Вера. – Но тебе в самом деле пора.

Она буквально вытолкнула супруга в коридор, где тот внезапно прижался к ней и промурлыкал:

– Верка, может, забудем прошлое? Если мы объединим усилия, то наш тандем несокрушим! Мы...

– Благодарю, но тандем мне не нужен. Тут, на журналистском олимпе, место *только для меня одной!* – сказала она и резко распахнула дверь.

И увидела стоявшего за ней Вениамина, облаченного в зеленые джинсы и яркий желтый пиджак.

Заметив его, ее супруг раскраснелся и завопил:

– И ты меня променяла на этого прошельгу? Как же ты низко пала, Верка! Он же выжмет тебя как лимон, а потом... А потом избавится от тебя! *Если тебя вообще до этого маньяк не пришьет.*

Филин с крайне брезгливым выражением лица вытащил брыкающегося Кудымова из коридора и спустил его с лестницы, причем не проронив во время этой процедуры, сопровождавшейся ужасающим воем и непотребными ругательствами со стороны спускаемого по лестнице, ни слова.

Когда вой стих, а Верин супруг наконец выкатился на улицу, Филин произнес:

– Извини, что опоздал. Это не в моих правилах. Задержали неподвиженные дела.

Вера улыбнулась, вдруг подумав, что в постели Филин наверняка неподражаем. *Но, собственно, отчего она думает о подобных глупостях?*

– Как видишь, мне нашлось чем заполнить паузу. Мой бывший...

Она ожидала Вениамина в общем коридоре, а когда они спускались по лестнице вниз, он вдруг сказал:

– Нет, он что, наверху притаился, твой бывший?

Еще до того, как Вера что-то ответила, он несколькими прыжками взбежал на два пролета вверх и крикнул с ее этажа:

– Да нет, показалось! Думал, что кто-то этажом выше на лестнице сопит, и подумал, что это твой супруг вернулся очередной сюрприз готовить. Но там никого нет.

Присоединившись к ней, он улыбнулся и, взяв ее за руку, произнес:

– А теперь нас ждет роскошный ужин!

Рассекая улицы ночного города, Филин проговорил:

– Дурной тип. Если тебе требуется помощь...

– Нет, благодарю. Он, может, и крикливый, и невыдержанный, однако безобидный.

Вера подумала о том, что гнев Кудымова был вполне понятен – она украла его наработки и использовала для своей статьи, которая произвела в городе эффект разорвавшейся бомбы. Все только и говорили о том, что «Городские вести» первыми решились затронуть тему, которая уже давно муссировалась в качестве слуха. Со стороны властей тотчас последовали гневные опровержения, пресс-секретарь Следственного комитета области категорически отверг возможность того, что в городе действует маньяк, упрекнув СМИ в ангажированности и стремлении устроить сенсацию на пустом месте. А через день в редакцию «Городских вестей» наведалься пожарная инспекция и санэпидемстанция.

– У нас ведь будут проблемы? – спросила Вера, когда они оказались в ресторане, где им отвели отдельный кабинет на втором этаже – оттуда можно было лицезреть, что происходит в общем зале внизу, и при этом оставаться скрытым от любопытных взглядов прочих посетителей.

– Они у нас уже имеются, – усмехнулся Филин. Его рука внезапно накрыла ладонь Веры, лежавшую на скатерти. Женщина ощутила приятную истому.

– Однако в этом и весь расчет, – произнес олигарх, – потому что долго прессинговать они нас не смогут. Уже и в Москве обратили внимание на беспомощность местных властей. Эта история нашему губернатору непременно выйдет боком. Я работаю над его смещением, его место займет *мой* человек.

Вера подумала о том, что сенсационная история с маньяком и в особенности с властями, утаивающими факт его существования не только от собственного населения, но и от начальства в Первопрестольной, вполне может использоваться Вениамином для того, чтобы сместить неудобного ему губернатора и протолкнуть в преемники человека, зависящего от него самого.

И что она сама не более чем пешка в циничной игре местных бонз. Одним из которых был этот симпатичный улыбчивый мужчина, все сильнее сжимавший ее ладонь.

– И матушка сказала, что ты – что надо! – заметил Филин с улыбкой.

Подали коллекционное шампанское.

Вера почувствовала, что быстро пьянеет, хотя пила немного. У нее даже мелькнула мысль о том, что в спиртное было что-то добавлено, но она с негодованием отмела эту мысль. *Не Вениамин же подсыпал ей что-то, пока она удалялась в дамскую комнату?*

В голове у нее шумело, мысли путались. В какой-то момент Вера ощутила горячие руки Филина на своей груди.

– Нет, прошу, не здесь, – попыталась она протестовать. Олигарх зашептал ей на ухо:

– Едем ко мне.

– *В твой загородный дом?* – спросила она, потому что была много наслышана о футуристической резиденции Вениамина на другом берегу реки.

Она ощутила, как руки Филина напряглись, и он сказал обычным тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.